

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«ШЕСТЕРКА ВОРОНОВ»

Шмчри Бчрр

ЛИ БАРДУГО

ГришиВерс

Ли Бардуго
Штурм и буря

«АСТ»

2013

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-4

Бардуго Л.

Штурм и буря / Л. Бардуго — «АСТ», 2013 — (ГришиВерс)

ISBN 978-5-17-108603-9

Сбежав из Равки, Алина и Мал добираются до берегов чужой страны. Они надеются начать новую жизнь в дальних краях, где их никто не знает, но сохранить инкогнито заклинательнице Солнца не так-то просто... Тень зловещего корсара преследует Алину. Тьма сгущается. Девушке не спрятаться ни от своего прошлого, ни от судьбы: ей придется принять ее вызов. Она рискует потерять все в надвигающейся буре. Только любовь может направить ее на правильный путь.

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-4

ISBN 978-5-17-108603-9

© Бардуго Л., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	27
ГЛАВА 4	35
ГЛАВА 5	40
ГЛАВА 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ли Бардуго

Штурм и буря

Leigh Bardugo
SIEGE AND STORM

Печатается с разрешения New Leaf и литературного агентства Andrew Nurnberg

Copyright © 2013 by Leigh Bardugo

© А. Харченко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Посвящается моей матери,
которая верила даже тогда,
когда не верила я сама.*

ПРОЛОГ

Задолго до того, как мальчик и девочка увидели Истиноморе собственными глазами, они мечтали о кораблях. О них слагали сказки – волшебные сооружения с мачтами, вытесанными из сладкого кедра, и парусами, расшитыми золотом. Моряками выступали белые мышки, которые пели песни и драили палубу розовыми хвостиками.

«Ферхадер» не был волшебным кораблем. Это керчийское торговое судно, набитое доверху патокой и просом. На нем воняло немытыми телами матросов и сырым луком, который, по убеждениям, должен был уберечь команду от цинги. Экипаж плевался, ругался и играл в карты на бутылку огненного рома. Хлеб, который выдали мальчику и девочке, кишел мучными долгоносиками, а их крохотную каюту, больше похожую на шкаф, приходилось делить еще с двумя пассажирами и бочкой засоленной трески.

Но они не возражали. Вскоре они привыкли к ежечасному звону колокола, крикам чаек и неразборчивой керчийской речи. Корабль стал их королевством, а море – огромным рвом, отделяющим их от врагов.

Мальчик освоился на борту судна так же легко, как привыкал ко всему в жизни. Он научился завязывать узлы и зашивать паруса, а когда его раны зажили, тут же приступил к работе на равных с экипажем. Отказался от обуви и бесстрашно взбирался по такелажу. Матросы диву давались, как он умудрялся обнаруживать дельфинов, стаю скатов или же косяк полосатых тигровых рыбок, или тому, как он чувствовал место, откуда через секунду появится широкая, гладкая спина кита. Они клялись, что стали бы богачами, будь у них хоть толика его удачи.

Девочка же их тревожила.

На третий день плавания капитан попросил ее не покидать трюм без крайней необходимости. Виною тому, по его словам, были предрассудки команды, считавшей, что женщина на корабле приносит неудачу. Так-то оно так, но матросы, может, и обрадовались бы девице-хохотушке, которая сыпала бы искрометными шутками и играла на дудочке.

Эта же девочка могла часами неподвижно и молча стоять у перил, вцепившись в шарф на шее, как окаменевшая статуя или галейная фигура, вырезанная из белого дерева. Эта девочка кричала во сне и будила мужчин, дремлющих на вахте на фок-мачте.

Посему ей приходилось коротать дни в темном чреве судна. От безделья она пересчитывала бочки с патокой и изучала капитанские карты. Ночами она укрывалась в надежных объятиях мальчика, пока они вместе стояли на палубе, высматривая созвездия в огромном океане звезд: Охотник, Ученый, Три Глупых Сына, яркие спицы Прялки, Южный Дворец с шестью кривоватыми шпильями.

Она пыталась задержать мальчика подольше насколько могла, рассказывая истории и задавая много вопросов, потому что точно знала: если они пойдут спать, ей приснятся кошмары. Иногда ей снились разбитые скифы с черными парусами и скользкими от крови палубами, а в темноте раздавались отчаянные крики людей. Но худшими были сны о бледном принце, припадавшем губами к ее шее. Он сжимал руками ошейник на ее горле и зывал к ее силе во вспышке яркого солнечного света.

После такого сна она просыпалась в холодном поту, тело вибрировало от силы, а ощущение света еще теплилось на коже.

Мальчик прижимал ее крепче и нашептывал убаюкивающие слова.

– Это всего лишь кошмар, – бормотал он. – Скоро они прекратятся.

Он не понимал. Сны были единственным местом, где она могла без боязни использовать свои способности. Она жаждала их.

* * *

В день, когда «Ферхадер» достиг суши, мальчик и девочка стояли у перил и смотрели, как приближается берег Нового Зема.

Они дрейфовали в гавани сквозь лес обветренных мачт и подвязанных парусов. Здесь были и изящные шлюпки, и маленькие джонки со скалистых берегов Шухана, и военные корабли, и прогулочные шхуны, и торговые суда, и даже фьерданские китобои! Раздутая каторжная галера, плывущая к Южным Колониям, вывесила красное знамя, предупреждающее об убийцах на корабле. Когда они проплывали мимо, девочка могла поклясться, что слышала звон цепей.

«Ферхадер» пришвартовался и спустил сходни. Докеры обменялись приветствиями с экипажем, затащили канаты и подготовили груз.

Мальчик и девочка окинули взглядом толпу на пристани, высматривая, не мелькнет ли где красный кафтан сердцебита или синий – заклинателя, не блеснет ли где на солнце металл ружей равкианцев.

Время пришло. Мальчик крепко взял девочку за руку. Его ладонь была грубой и мозолистой от многих дней труда на корабле. Когда их ноги коснулись деревянного причала, земля словно ожила и забугрилась – результат долгого плавания.

Матросы расхохотались и крикнули им вслед:

– *Фаарвел, фентомен!*

Мальчик и девочка двинулись вперед и сделали первые неловкие шажки в новом мире.

«*Прошу*, – мысленно молилась девочка всем святым, которые только могли ее услышать, – *позвольте нам обрести здесь покой. Позвольте нам обрести дом*».

ГЛАВА 1

Вот уже две недели, как мы жили в Кофтоне, а я все никак не могла освоиться на новом месте. Городок располагался в глубине материка: западнее побережья Нового Зема и очень далеко от гавани, где мы сошли на берег. Вскоре мы двинемся дальше, углубляясь в дебри приграничных территорий Зема. Может, хоть там я почувствую себя в безопасности.

Я сверилась с небольшой, наспех нарисованной картой и проследила свой путь. Каждый день после работы мы с Малом встречались на уговоренном месте, чтобы вдвоем прогуляться до пансиона, но сегодня я умудрилась полностью сбиться с маршрута, отправившись за съестным нам на ужин. Пирожки с телятиной и капустой, которыми был набит мой рюкзак, распространяли очень своеобразный аромат. Владелец лавки уверял, что эта еда – местный деликатес, в чем я очень сомневалась. С другой стороны, какая разница? В последнее время для меня любая пища отдавала пеплом.

В Кофтон мы перебрались в надежде найти заработок, который покроет наши расходы на поездку на запад. Здесь обосновался главный рынок юрды, окруженный плантациями с маленькими оранжевыми цветами, которые люди жевали бушелями. В Равке этот стимулятор считался большой роскошью, но некоторые из матросов на «Ферхадере» применяли его, чтобы не уснуть во время ночной смены. Земенцы предпочитали удерживать высушенные цветы между губой и десной, и даже женщины носили юрду в расшитых мешочках, прикрепленных на запястье. В каждой витрине рекламировалась своя торговая марка: «Ярколист», «Тень», «Дока», «Дюжий». Я увидела, как девушка в красивой юбке наклонилась и сплюнула сок ржавого цвета прямо в медную плевательницу, которые стояли у каждого магазина. Меня передернуло от отвращения. Вряд ли я когда-нибудь привыкну к этому земенскому обычаю.

Я свернула на главную улицу и вздохнула с облегчением. По крайней мере теперь я знала, где нахожусь. Кофтон все еще казался мне чем-то нереальным. Было в нем что-то незавершенное. Большинство улочек были немощеными, а здания с плоскими крышами и хлипкими деревянными стенами выглядели так, будто они могут рухнуть в любую минуту. Хотя все они имели застекленные окна. Женщины одевались в бархат и кружева. Вместо винтовок, ножей и оловянных кастрюль витрины магазинов пестрили сладостями, всяческими безделушками и пышными нарядами на любой вкус. Здесь даже нищие не ходили босыми. Так и должна выглядеть страна в невоенное время.

Проходя мимо трактира, уголком глаза я заметила вспышку красного. Корпорялы! Я попятилась и мгновенно вжалась в темный проход между двумя зданиями. Сердце колотилось, а рука потянулась к пистолету на бедре.

«Сперва кинжал, – напомнила я себе, извлекая лезвие из рукава. – Попробуй не привлечь лишнего внимания. Если придется, используй пистолет. Силу – только в крайнем случае». Уже в который раз я затосковала по фабрикатским перчаткам, которые пришлось оставить в Равке. В них были вшиты зеркала, что позволяло мне с легкостью ослеплять противников в рукопашном бою – неплохая альтернатива разрезу, который разделял человека пополам. Но если меня заметит сердцебит, у меня не останется выбора. Они были любимыми солдатами Дарклинга и могли остановить мое сердце или придавить мои легкие безо всяких усилий.

Я выжидала, крепко вцепившись в рукоять кинжала, а затем все же осмелилась выглянуть из-за стены. Я увидела тележку, доверху нагруженную бочками. Возница остановился поболтать с какой-то женщиной, а ее дочка нетерпеливо пританцовывала рядом, кружась в развевающейся красной юбке.

Просто маленькая девочка. Ни одного корпоряла поблизости. Я снова скрылась за зданием и сделала глубокий вдох, чтобы успокоить нервы.

«Когда-нибудь все изменится, – внушала я себе. – Чем дольше ты на свободе, тем легче тебе становится».

Когда-нибудь я проснусь после сна без кошмаров и выйду на улицу без опаски. А пока – буду держать кинжал при себе. Тяжесть стали гришей придавала мне уверенности.

Я продолжила свой путь по оживленной улице и, ухватившись за шарф на шее, крепче затянула его. Это стало чем-то вроде нервного тика. Шарф скрывал ошейник Морозова – самый мощный усилитель на свете и мой единственный опознавательный знак. Без него я просто очередная грязная, голодающая равкианская беженка.

Я пока не придумала, что делать, когда потеплеет. Летом вязаные шарфы и пальто с поднятым воротником будут смотреться не к месту. Оставалось надеяться, что к тому времени мы с Малом окажемся вдали от суетливых городов и нежелательных вопросов. Впервые с нашего побега из Равки мы будем сами по себе. От этой мысли меня охватила нервная дрожь.

Я перешла улицу, уклоняясь от повозок и лошадей, всматриваясь в толпу, ожидая в любую секунду увидеть настигающий меня отряд гришей и опричников. А может, это будут шуханские наемники или фьерданские охотники, или солдаты короля. Или даже сам Дарклинг. Столько людей ведут на нас охоту! *«Охоту на тебя»*, – исправилась я. Если бы не я, Мал все еще был бы следопытом Первой армии, а не дезертиром.

В голове вспыхнуло непрошеное воспоминание: черные волосы, аспидные глаза, ликующее лицо Дарклинга, когда он выпустил на свободу все силы Каньона. Прежде чем я вырвала эту победу у него из рук.

Вести быстро доходили до Нового Зема, но среди них не было ни одной утешительной. Ходили слухи, что каким-то образом Дарклингу удалось пережить битву в Каньоне, и теперь он залег на дно, дабы собрать армию и снова попытаться захватить равкианский престол. Я не хотела этому верить, но прекрасно понимала, что Дарклинга нельзя недооценивать. Другие сплетни были не менее тревожными: мрак начал распространяться за границы Каньона, заставляя жителей ближайших земель бежать на запад и восток, а еще появился культ святой, которая может заклинать солнце. Мне не хотелось думать об этом. У нас с Малом новая жизнь. Равка осталась позади.

Я ускорила шаг и вышла на площадь, где мы встречались каждый вечер. И заприметила Мала: облокотившись о фонтан, он болтал с земенским коллегой со склада. Никак не вспомню его имя... Джеп? Может, Джеф?

Фонтан наполнялся водой из четырех огромных кранов, и функция у него была скорее практическая, нежели декоративная – сюда приходили девушки и служанки, чтобы постирать одежду. Однако ни одна из них не уделяла необходимого внимания стирке. Все открыто глазели на Мала. Их можно понять – его волосы, подстриженные на военный манер, отросли и начали виться у шеи. Брызги от фонтана намочили рубашку, и та прилипла к бронзовой коже, загоревшей за многие дни в море. Он запрокинул голову и засмеялся в ответ на фразу товарища, не обращая внимания на кокетливые улыбки в свою сторону.

«Он настолько к этому привык, что даже не замечает их», – с раздражением подумала я.

Увидев меня, Мал расплылся в улыбке и помахал рукой. Девушки оглянулись и обменялись недоверчивыми взглядами. Я знала, что они видели: тощую девчонку с жиденькими темно-русыми волосами, впалыми щеками и оранжевыми от расфасовки юрды пальцами. Я никогда не была писаной красавицей, а недели без использования силы наложили свой отпечаток. К тому же питалась я откровенно плохо и мало спала из-за кошмаров. На лицах прачек проступило недоумение: что у такого парня, как Мал, могло быть общего с такой девушкой, как я?

Я выпрямила спину и попыталась проигнорировать их, когда Мал закинул руку мне на плечи и прижал к себе.

– Где ты пропадала? Я уже заволновался!

– Меня подкараулила банда разъяренных медведей, – пробормотала я ему в плечо.

– Что, снова потерялась?

– Да ну, с чего ты взял?

– Ты же помнишь Джеса? – он кивнул на своего друга.

– Как поживаешь? – спросил тот на ломаном равкианском, протягивая мне руку. Его лицо выражало нарочитую серьезность.

– Спасибо, хорошо, – ответила я на земенском. Он не улыбнулся в ответ, но ласково похлопал меня по руке. Этот парень определенно какой-то странный.

Мы еще немного поболтали, но Мал заметил мое беспокойство. Мне не нравилось подолгу находиться на открытой местности. Мы попрощались, и, прежде чем уйти, Джес окинул меня еще одним мрачным взглядом и наклонился к Малу, прошептав что-то ему.

– Что он сказал? – поинтересовалась я, провожая парня взглядом через площадь.

– А? Да так, ничего. Ты знала, что у тебя брови в пыли? – он ласково смахнул ее пальцем.

– Может, так и было задумано.

– Тогда прошу прощения.

Едва мы отошли от фонтана, как одна из прачек так низко нагнулась, что ее грудь чуть не вывалилась из платья.

– Если тебе когда-нибудь надоеет возиться с этим мешком костей, – крикнула она Малу, – у меня есть чем тебя порадовать!

Я замерла. Мал оглянулся через плечо и медленно окинул девушку взглядом.

– Нет, – сухо ответил он. – Нечем.

Лицо прачки покрылось красными пятнами, а остальные захихикали и заулюлюкали, брызгая в нее водой. Я попыталась надменно вздернуть бровь, но не смогла сдержать глуповатой улыбки.

– Спасибо, – буркнула я, когда мы пересекли площадь и пошли в сторону пансиона.

– За что?

Я закатила глаза.

– За то, что отстоял мою честь, болван!

Тут он затащил меня под темный навес. На секунду я запаниковала, подумав, что Мал почуял опасность, но затем его руки обвили меня вокруг талии, и парень прижался ко мне губами.

Когда он отстранился, мои щеки порозовели, а ноги стали ватными.

– Просто чтобы ты понимала, – произнес он. – Я не особо заинтересован в отстаивании твоей чести.

– Поняла, – выдавила я, надеясь, что мой голос звучит не слишком смешно с этой глупой, счастливой отдышкой.

– Кроме того, нужно пользоваться каждой секундой, прежде чем мы вернемся в Дыру.

«Дырой» он звал наш пансион. В нем былолюдно, грязно, а понятия «личное пространство» вообще не существовало, но зато дешево. Мал озорно ухмыльнулся и быстро влился в поток людей на улице. Несмотря на усталость, идти стало значительно легче. Никак не привыкну, что мы – пара. И снова тело пронзила приятная дрожь. На границе нам уже не мешают любопытные сожители. Мой пульс слегка ускорился – то ли от волнения, то ли от радости.

– Так что сказал Джес? – переспросила я, когда мысли перестали путаться от возбуждения.

– Что я должен хорошо о тебе заботиться.

– И все?

Мал прочистил горло.

– И... что он будет молиться Богу Труда, чтобы исцелить твой недуг.

– Недуг?!

– Возможно, я как-то упомянул в разговоре, что у тебя зоб.

Я едва не оступилась.

– Что, прости?!

– Ну что? Мне же нужно было как-то объяснить, почему ты постоянно держишься за свой шарф.

Тут я поняла, что снова неосознанно это делаю, и опустила руку, после чего недоверчиво зашептала:

– И ты сказал ему, что у меня зоб?

– Надо же было что-то придумать! К тому же, это придает тебе трагичности. Симпатичная девушка, гигантский нарост и все такое...

Я от души пихнула его кулаком.

– Ай! Между прочим, в некоторых странах зоб считается последним писком моды.

– А евнухи не считаются? А то я могу это устроить.

– Ну и кровожадная же ты!

– Это все из-за моего зоба.

Мал засмеялся, но я заметила, как его рука опустилась на пистолет. Дыра находилась в одной из наименее привлекательных частей Кофтона, а в наших карманах лежало довольно много монет – деньги, которые мы старательно собирали на новую жизнь. Еще пара дней, и у нас будет достаточно, чтобы покинуть этот город с его шумом, грязным воздухом и непрерывным страхом. Мы окажемся в безопасности в местах, где никого не волнует, что случилось с Равкой; там, где гриши считаются редкостью; и там, где никто не слышал о заклинательнице Солнца.

«И никто в ней не нуждается». От этой мысли у меня испортилось настроение, но в последнее время я не могла от нее избавиться. Чем я могу заняться в этой чужой стране? Мал умел охотиться, выслеживать зверей и превосходно владел ружьем. Единственное, что хорошо умела я, это быть гришом. Я скучала по зову света и становилась все слабее и болезненней. Пыхтела, пытаясь идти в ногу с Малом, и горбатилась под весом рюкзака. Мое тело стало настолько хрупким и неуклюжим, что я едва справлялась с должностью упаковщицы юрды на одной из плантаций. Зарабатывала, конечно, сущие гроши, но зато приносила хоть какую-то пользу. Меня преследовало то же чувство, что и в детстве: способный Мал и бесполезная Алина.

Я отмахнулась от этой мысли. Может, я больше и не заклинательница, но и не та грустная маленькая девочка. Я придумаю, как стать полезной.

Вид нашего пансиона не добавил мне оптимизма. Это двухэтажное здание отчаянно нуждалось в свежем слое краски. Рекламное объявление в окне гласило, что здесь можно принять горячую ванну и получить койку без клопов – все это на пяти разных языках. Попытав счастья как с ванной, так и с койкой, я отлично знала, что реклама лживая, как ее ни переводи. Но в компании Мала все это можно было пережить.

Мы взобрались по ступенькам на просевшее крыльцо и зашли в таверну, занимавшую почти весь первый этаж дома. По сравнению с пыльной и шумной улицей здесь было тихо и прохладно. Обычно в такое время дня из посетителей можно было встретить только нескольких рабочих, пропивающих свой дневной заработок за щербатым столом. Но сегодня зал пустовал, не считая угрюмого хозяина, стоявшего за баром.

Он был керчийским иммигрантом, и шестое чувство мне подсказывало, что он недолюбливает равкианцев. Или просто считает нас ворами. Две недели назад мы пришли сюда грязные и оборванные – без вещей, без денег, и лишь с одной золотой шпилькой. Наверняка он решил,

что мы ее украли. Тем не менее, это не помешало ему обменять шпильку на узкую койку в комнате, в которой, кроме нас, жило еще шесть человек.

Когда мы подошли к бару, мужчина стукнул ключом по стойке и молча подтолкнул его к нам. Ключ был привязан к резному кусочку куриной кости – еще один очаровательный нюанс.

На высокопарном керчийском, которого он нахватался на борту «Ферхадера», Мал попросил кувшин горячей воды для мытья.

– Дополнительный услуги, – буркнул хозяин – грузный мужчина с редкими волосами и пожелтевшими от юрды зубами. Я также заметила, что он много потеет. День выдался не особенно жарким, но над верхней губой владельца пансиона выступали капельки пота.

Я обернулась на него, пока мы направлялись к лестнице в другой части пустой таверны. Мужчина продолжал наблюдать за нами, сложив руки на груди и прищулив свои глазки-бусинки. Было в его выражении лица что-то такое, что меня встревожило.

Я замешкалась у лестницы.

– Не нравимся мы этому парню.

Мал уже начал подниматься.

– Да, но против наших денег он ничего не имеет. А через пару дней мы навсегда покинем это место.

Я отмахнулась от плохих предчувствий. В конце концов, они преследуют меня каждый день.

– Ладно, – проворчала я и последовала за Малом. – На всякий случай, как сказать «вы придурок» на керчийском?

– *Йер вен азель.*

– Правда?

Парень рассмеялся.

– Если я чему и научился у матросов, так это ругани.

Второй этаж пансиона пребывал в еще более скверном состоянии, нежели таверна. Ковер выцвел и протерся до дыр, в тускло освещенном коридоре воняло капустой и табаком. Все двери в комнаты были закрыты, и из-за них не доносилось ни звука. Безмолвие было жутковатым. Наверное, все разбежались по своим делам.

Единственным источником света служило грязное окошко в конце коридора. Пока Мал возился с ключом, я глядела через заляпанное стекло на тележки и подводы, проезжающие мимо. На другой стороне улицы под балконом стоял мужчина, изучая здание пансиона. Он поправил ворот и рукава, словно одежда была новой и жала ему. Мы встретились взглядами, и он быстро отвел глаза.

Я почувствовала укол страха.

– Мал, – шепотом начала я.

Но было слишком поздно. Дверь распахнулась.

– Нет!

Я вскинула руки и осветила коридор каскадом света, льющим из ладоней. Вдруг кто-то грубо схватил меня и завел руки за спину. Сколько я ни брыкалась, им все равно удалось затащить меня в комнату.

– Полегче, Алина, – послышался спокойный голос откуда-то сбоку. – Мне бы очень не хотелось убивать твоего друга раньше времени.

Время будто замедлилось. Я увидела убогую комнатку с низким потолком, треснувший умывальник на ветхом столике, танцующие пылинки в тоненьком луче света, блеск лезвия, прижатого к горлу Мала. На лице его обидчика застыл знакомый оскал. Иван. Рядом стояли и другие – как мужчины, так и женщины. Все были одеты в бриджи и приталенные пиджаки, как у земенских торговцев и рабочих, но некоторые лица я узнала по Второй армии. Это были гриши.

За ними, окутанный тенью, расположившись в шатком кресле, как на троне, сидел Дарклинг.

На пару мгновений в комнате воцарилась тишина. Я слышала дыхание Мала и шарканье ног. Слышно было даже, как какой-то мужчина на улице с кем-то поздоровался. Я не могла оторвать взгляд от рук Дарклинга – от его длинных, бледных пальцев, покоящихся на подлокотниках кресла. В голове промелькнула совершенно дурацкая мысль, что я никогда не видела его в повседневной одежде.

Тут реальность происходящего обрушилась на меня. Значит, *так* все закончится? Без борьбы? Без единого выстрела или даже возгласа? Из груди вырвался всхлип, полный ярости и бессилия.

– Заберите пистолет и общите ее. – Тихо приказал Дарклинг. Я почувствовала, как исчезла приятная тяжесть оружия с моего бедра, как из чехла на запястье извлекли клинок. – Сейчас я прикажу им отпустить тебя, – обратился он ко мне, когда закончили обыск, – но знай, если посмеешь хотя бы приподнять руки, Иван прикончит следопыта. Кивни, если поняла.

Я неохотно кивнула.

Его палец дрогнул, и мужчина, державший меня, ослабил хватку. Я подалась вперед, а затем застыла в центре комнаты, сжав руки в кулаки.

Я могла разрезать Дарклинга пополам. Могла разрушить это забытое святыми здание. Но не раньше, чем Иван успеет перерезать глотку Малу.

– Как ты нас нашел? – прохрипела я.

– Вы оставили драгоценный след.

Дарклинг лениво швырнул что-то на столик. Предмет с лязгом приземлился у раковины. Я признала одну из золотых шпилек Жени, вплетенных в мои волосы много-много недель назад. Мы использовали их, чтобы оплатить поездку через Истиноморе, проезд на фургоне до Кофтона и нашу жалкую койку, отнюдь не без клопов.

Дарклинг поднялся, и по комнате пробежала волна странного трепета. Будто каждый гриш вдохнул и задержал выдох в ожидании. Я чувствовала, что от них исходит страх, и это меня насторожило. Подчиненные Дарклинга всегда относились к нему с почтением и благоговением, но это было что-то новенькое. Даже Иван выглядел так, будто ему не по себе.

Дарклинг шагнул в свет, и я увидела слабые полосы шрамов на его лице. Над ним явно поработали корпоралы-целители, но даже им не удалось полностью избавиться от следов. Волькры оставили память о себе. «*Вот и отлично*», – подумала я с мелочным злорадством. Это слабое утешение, но, по крайней мере, Дарклинг утратил свою безупречность.

Он окинул меня изучающим взглядом.

– И как тебе жизнь в бегах, Алина? Выглядишь не очень.

– Кто бы говорил.

Дело было не только в шрамах. Выглядел он достойно, несмотря на усталость, но она все равно брала свое. Под глазами обозначились темные круги, точеные скулы заострились, а щеки впали.

– Это малая плата, – сказал он, и его губы изогнулись в полуулыбке.

По моей спине пробежали мурашки.

«*За что?*»

Дарклинг протянул ко мне руку, и мне понадобилось собрать все силы, чтобы не отпрянуть. Но он всего лишь взялся за конец шарфа. Затем слабо потянул, и колючая шерстяная ткань соскользнула с моей шеи на пол.

– Вижу, ты снова взялась за старое. Выдаешь себя за ту, кем не являешься. Притворство тебе не к лицу.

Меня охватило беспокойство. Разве еще минуту назад я не думала о том же?

– Спасибо за заботу, – пробурчала я.

Дарклинг провел пальцами по ошейнику.

– Он принадлежит нам обоим, Алина.

Я отмахнулась от его руки, и со стороны гришей послышался нервный ропот.

– Тогда не стоило надевать его мне на шею, – рявкнула я. – Что тебе нужно?

Естественно, я уже знала ответ. Он хотел все – Равку, мир, могущество Каньона. Его слова не имели значения, мне просто было нужно, чтобы он продолжал говорить. Я знала, что этот момент может настать, и успела подготовиться. На сей раз я не дам ему поработить себя. Покосилась на Мала, надеясь, что он разгадал мой замысел.

– Я хотел поблагодарить тебя, – ответил Дарклинг.

Такого я не ожидала.

– Поблагодарить?

– За тот подарок, который ты мне преподнесла.

Я скользнула взглядом по шрамам на его бледном лице.

– Нет, – слабо улыбнулся он, – я не об этом. Хотя рубцы служат мне хорошим напоминанием.

– О чем? – во мне против воли начало зарождаться любопытство.

Его серые глаза ожесточились.

– Что даже самых достойных мужчин можно выставить дураками. Нет, Алина, твой подарок куда более впечатляющий.

Он отвернулся, и я осмелилась снова покоситься на Мала.

– В отличие от тебя, – продолжал Дарклинг, – мне не чужда благодарность, и я хотел бы ее выразить.

Он взмахнул руками, и комната погрузилась во тьму.

– Сейчас! – вскрикнула я.

Мал ткнул локтем Ивана. В ту же секунду я вскинула руки, и яркое сияние ослепило всех вокруг. Сосредоточилась на своей силе, собрав ее в луче чистого света. У меня была лишь одна цель. Я не собиралась оставлять Дарклинга в живых. Всмотревшись в бурлящую черноту, я попыталась найти мою мишень. Но что-то было не так.

Мне много раз доводилось видеть силу Дарклинга в действии. Но что-то изменилось. Тени быстро кружились и вились вокруг моего света, превращаясь в корчащиеся клубы чего-то жужжащего и стрекочущего, словно это рой голодных насекомых. Я пыталась оттолкнуть их своей силой, но они извивались и уклонялись, подбираясь все ближе.

Мал встал за мной. Каким-то образом ему удалось отобрать нож у Ивана.

– Держись рядом, – сказала я. Лучше попытаться удачу и проделать дыру в полу, чем просто стоять и ничего не делать. Я сосредоточилась, и мое тело завибрировало от мощи разреза. Подняла руку... и что-то вышло из мрака.

«*Это трюк*, – подумала я, когда это нечто начало к нам приближаться. – *Какая-то иллюзия*».

Существо словно вылепили из тени, его гладкое лицо было лишено всяких черт. Тело подрагивало и расплывалось, а затем вновь обретало форму: руки, ноги, длинные пальцы, заканчивающиеся слабым намеком на когти, широкая спина с крыльями, которые вздыбливались, колыхались и разворачивались черным пятном. Оно очень походило на волькру, но при этом имело очертания человека. И совершенно не боялось света. Не боялось меня.

«*Это просто уловка*, – настаивал мой запаниковавший разум. – *Это невозможно!*» Это существо перечило всему, что я знала о силе гришей. Мы не могли создавать новую материю. Не могли создать жизнь. Но существо приближалось к нам, а гриши Дарклинга жались к стенам в первобытном ужасе. Вот что их так пугало!

Я подавила страх и вновь сосредоточилась на своей силе. Затем взмахнула рукой, вызвав сияющую и неумолимую дугу света. Та пронзила монстра. На секунду мне показалось, что это

никак на него не повлияло. Но потом он покачнулся, мерцая, как облако с молнией внутри, и разлетелся на части. Только я вздохнула с облегчением, как Дарклинг развел руки и создал новое чудовище, за которым последовало еще одно и еще.

– Этим даром наградила меня ты, – сказал парень. – Даром, который я заслужил в Каньоне.

На его лице проступило отвратительное ликование от осознания собственного могущества. Но я также заметила напряжение. Что бы он ни делал, это требовало невероятных усилий.

Мы с Малом попятились к двери, монстры приближались. Внезапно один из них с поразительной скоростью рванул вперед. Мал взмахнул ножом. Тварь замерла, слегка покачнувшись, затем схватила Мала и отбросила его в сторону, как детскую куклу. Это была не иллюзия.

– Мал! – вскрикнула я.

Я создала разрез, и существо сторело дотла, но в ту же секунду на меня накинuloсь новое. Когда оно схватило меня, мое тело содрогнулось от отвращения. Его хватка вызывала ощущение, будто по моим рукам ползут тысячи насекомых.

Тварь оторвала меня от земли, и я поняла, до чего же сильно ошиблась. У нее был рот – зияющая дыра, разверзнувшаяся, чтобы показать ряд острых зубов. Они глубоко впились мне в плечо.

Такой боли я еще никогда не испытывала. Она эхом отозвалась в моем теле и умножалась с каждой секундой, разрывая плоть и царапая кости. Словно издалека, я услышала, как Мал зовет меня по имени, а после – собственный крик.

Чудище отпустило меня. Я рухнула на пол безвольным комком и осталась лежать на спине. Боль накатывала бесконечными волнами. Я видела протекший потолок, существо из теней, нависающее надо мной, бледное лицо Мала, присевшего рядом. Я видела, что его губы произносили мое имя, но не слышала ни звука. Я впадала в забытие.

Последнее, что я услышала, это голос Дарклинга – до того ясный, будто он лежал возле меня, а его губы прижимались к самому уху, нашептывая единственное слово: «Спасибо».

ГЛАВА 2

И снова тьма. Она бурлит внутри меня. Я пытаюсь нащупать свет, но он вне моей досягаемости.

– Пей.

Открываю глаза. Передо мной появляется хмурое лицо Ивана.

– Попробуй ты, – недовольно бурчит он кому-то.

Затем надо мной склоняется Женя. Выглядит она еще прекрасней, чем прежде, даже в грязном красном кафтане. Я сплю?

Она прижимает что-то к моим губам.

– Пей, Алина.

Я пытаюсь отмахнуться от чашки, но не могу пошевелить руками.

Мне зажимают нос, тем самым заставляя открыть рот. По горлу стекает что-то похожее на бульон. Я кашляю и плююсь.

– Где я? – удается мне выдавить.

Слышится еще один голос, холодный и безразличный:

– Погрузи ее обратно в сон.

* * *

Я сижу в телеге, которую везет пони, возвращаюсь домой из деревни с Аной Куей. Ее костлявый локоть впивается мне в ребра, пока мы подпрыгиваем на кочках по дороге в Керамзин. Мал сидит по другую сторону от нее, смеется и показывает на все, что попадает на глаза.

Пухлый маленький пони вяло взбирается на последний холм, потряхивая мохнатой гривой. На полпути мы проезжаем мимо мужчины и женщины. Мужчина насвистывает и помахивает тростью в такт мелодии. Женщина плетется за ним, ее голова опущена, а к спине привязан мешок с солью.

– Они очень бедные? – спрашиваю я Ану Кую.

– Не то чтобы очень...

– Тогда почему он не купит осла?

– Он ему не нужен. У него есть жена.

– Я женюсь на Алине! – заявляет Мал.

Наша повозка обгоняет пару. Мужчина снимает козырек и отвечает нам шутливый поклон.

Мал улыбается и радостно машет ему, чуть не падая с сиденья.

Я оглядываюсь через плечо, вытягивая шею, чтобы посмотреть на женщину, бредущую за своим мужем. Она юна, но глаза у нее как у старухи.

Ана Куя все замечает.

– Вот что случается с крестьянками, которым не перепало от щедрот князя. Поэтому будь благодарна и вспоминай его в каждой ночной молитве.

* * *

Звон цепей.

Обеспокоенное лицо Жени.

– Если мы продолжим в том же духе, это плохо закончится.

– Не указывай, как мне делать мою работу! – огрызается Иван.
Дарклинг, одетый в черное, стоит в тени. Я чувствую под собой ритмичное покачивание моря. Внезапно я понимаю – и эта мысль ужасает меня: мы на корабле!
Пожалуйста, пусть это будет сон.

* * *

Я снова на пути в Керамзин, наблюдаю за опущенной головой пони, пока он тащит нас на холм. Когда я оглядываюсь, у девушки, согнувшейся под грузом мешка с солью, мое лицо. Вместо Аны Куи в тележке сидит Багра:

– Вол чувствует груз ярма на шее, – говорит она, – но чувствует ли птица вес своих крыльев?

Ее глаза угольно-черные. Будь благодарна, говорят они. Будь благодарна. Багра бьет возжжсами.

* * *

– Пей.
Снова бульон. На сей раз я не противлюсь. Не хочу снова подавиться. Падаю обратно на подушку, мои веки опускаются. Меня клонит в сон – я слишком слабая, чтобы бороться.
На щеку ложится чья-то рука.
– Мал, – хриплю я.
Руку убирают.
Пустота.

* * *

– Проснись, – на этот раз я не узнаю голос. – Разбуди ее.
Мои веки, вздрагивая, открываются. Я все еще сплю? Надо мной нависает парень: рыжие волосы, сломанный нос. Он напоминает мне слишком умного лиса, очередного персонажа из сказок Аны Куи: достаточно сообразительного, чтобы выбраться из первой ловушки, но слишком глупого, чтобы понять, что ему не избежать второй. За ним стоит еще один парень, и он огромен – таких великанов я в жизни не видела. Разрез его золотистых глаз выдает в нем шуханца.
– Алина, – зовет лис. Откуда он знает мое имя?
Дверь открывается, и я вижу еще одну незнакомку – девушку с короткими черными волосами и такими же золотыми глазами, как у великана.
– Они идут, – предупреждает она.
Лис ругается.
– Усыти ее.
Великан подходит ближе. Меня снова охватывает тьма.
– Нет, пожалуйста...
Слишком поздно. Я в ее лапах.

* * *

Я девушка, взбирающаяся на холм. Мои сапоги хлюпают в грязи, а спина ноет от тяжести соли. Стоит мне подумать, что на следующий шаг уже нет сил, как меня отрывает от

земли. Мешок сползает с плеч и падает на дорогу, рассыпая свое содержимое. Я лечу – выше, выше. Подо мной виднеется повозка, запряженная пони с тремя седоками, смотрящими на меня с раззявленными ртами. Я вижу, как моя тень пролетает над ними, над дорогой, над бесплодным зимним полем. Вижу темное очертание девушки, поднимающейся ввысь с помощью размашистых крыльев.

* * *

Придя в сознание, первым делом я почувствовала покачивание корабля и услышала скрип такелажа, а также шлепки воды о корпус.

Попыталась перевернуться, но плечо пронзил укол боли. Я ахнула и резко села. Глаза распахнулись, сердце забилося чаще, сон как рукой сняло. По мне прокатилась волна тошноты, и я часто заморгала, чтобы избавиться от звездочек в глазах. Я лежала на узкой койке в чистенькой каюте. Через бортовой иллюминатор проникал дневной свет.

На краю койки сидела Женя. Значит, она мне не приснилась. Или я и сейчас сплю? Встряхнула головой, чтобы привести себя в чувство, и была награждена новым приступом тошноты. Ее усиливал неприятный запах в каюте. Я заставила себя вдохнуть полной грудью.

На Жене был красный кафтан с нашитыми синими лентами – такой комбинации я прежде не видела ни на одном грише. Одежда испачкалась и слегка износилась, но зато волосы девушки были уложены безупречными завитками, и выглядела она роскошней любой королевы. Женя поднесла к моим губам железную кружку.

– Пей.

– Что это? – настороженно поинтересовалась я.

– Обычная вода.

Я попыталась забрать у нее кружку и вдруг осознала, что мои запястья в кандалах. Неловко подняла руки. У воды был металлический привкус, но во рту так пересохло, что мне было все равно. Закашлялась, но продолжила пить с той же жадностью.

– Медленней, – предупредила Женя, убирая волосы с моего лица, – или тебе станет плохо.

– Как долго? – спросила я, косясь на Ивана, прислонившегося к двери и наблюдающего за мной. – Как долго я была в отключке?

– Чуть больше недели.

– *Недели?!*

Меня охватила паника. Целую неделю Иван замедлял мое сердцебиение, чтобы я оставалась без сознания.

Я встала на ноги, и кровь прилила к голове. Если бы Женя меня не поддержала, я бы точно упала. Поборов головокружение и сбросив ее руку, я поплелась к иллюминатору, чтобы выглянуть в запотевший кружочек стекла. Ничего. Ничего, кроме синего моря. Ни гавани. Ни побережья. Новый Зем давно остался позади. Я попыталась справиться с подступившими слезами.

– Где Мал?

Мне никто не ответил. Я обернулась и настойчиво повторила вопрос, обратившись к Ивану:

– Где он?

– Дарклинг хочет тебя видеть. Тебе хватит сил дойти, или мне придется нести тебя?

– Дай ей минутку, – отозвалась Женя. – Пусть хотя бы поест и умоется.

– Нет. Ведите меня к нему.

Женя нахмурилась.

– Я в порядке.

На самом деле я чувствовала себя слабой и была напугана, но не собиралась и дальше валяться в койке. Мне нужны ответы, а не еда.

Когда мы вышли из каюты, нас обдала волна зловония. Не обычного запаха в трюме, – рыбы и немывтых тел, который я помнила с нашего рейса на борту «Ферхадера», – а нечто более омерзительное. Я поперхнулась и прикрыла рот. Хорошо, что мне так и не удалось поесть.

– Что это за вонь?

– Кровь, кости, перетопленная ворвань, – ответил Иван. Значит, мы на китобойном судне. – Ничего, привыкнешь.

– *Сам* привыкай, – отчеканила Женя, морща носик.

Они повели меня к люку на верхнюю палубу. Иван поднялся по лестнице, и я поспешно полезла за ним, желая поскорее выбраться из темных недр корабля и сбежать от гнилостного зловония. Забираться наверх, будучи в кандалах, задача не из легких, и вскоре Иван потерял терпение. Он схватил меня за запястья и закинул на палубу. Я сделала пару глубоких глотков воздуха и часто заморгала от яркого солнца.

Судно мчалось на всех парусах, ведомое тремя шквальными гришами, которые стояли у мачт с воздетыми руками. Их синие кафтаны раздувались от ветра и бились вокруг ног. Эфиреалы – Орден заклинателей. Еще пару месяцев назад я была одной из них.

Экипаж носил одежду из грубой шерстяной пряжи и ходил босиком – для лучшего сцепления со скользкой палубой. «*Без униформы*», – подметила я. Значит, они не военные. Опытавленных цветов на корабле я не заметила.

Гришей Дарклинга было легко отличить от экипажа, и не только из-за ярких кафтанов: они празднично стояли у перил, болтали и смотрели в море, в то время как матросы работали. Я даже увидела фабрикатршу в фиолетовом кафтане, читавшую книгу облокотившись на катушку с канатом.

Когда мы прошли мимо двух огромных чугунных котлов, встроенных в палубу, я учуяла свирепый аромат, знакомый по трюму.

– Котлы для вытапливания китового сала, – пояснила Женя. – В этом плаваньи ими еще не пользовались, но запах никогда не выветривается.

Все гриши и члены экипажа обернулись, чтобы поглазеть, как меня ведут. Когда мы проходили под бизань-мачтой, я подняла голову и увидела темноволосых парня и девушку из моего сна. Они сидели на такелаже, как две хищные птицы, и наблюдали за нами своими одинаковыми золотистыми глазами.

Значит, это был вовсе не сон. Они заходили в мою каюту.

Иван привел меня к носу корабля, где ждал Дарклинг. Он стоял к нам спиной и смотрел поверх бушприта на голубой горизонт. Черный кафтан развевался вокруг него, как чернильное военное знамя.

Женя и Иван поклонились и оставили нас наедине.

– Где Мал? – прохрипела я.

Дарклинг, не оборачиваясь, покачал головой.

– Ты очень предсказуема.

– Прости, что прискучила тебе. Так где он?

– С чего ты взяла, что он жив?

Мой желудок скрутило.

– Потому что я тебя знаю, – сказала я с уверенностью, которой на самом деле не ощущала.

– Но если бы это была правда? Что бы ты сделала, бросилась в море?

– Только вместе с тобой. Где он?

– Посмотри назад.

Я развернулась. На другом конце палубы, за узлами веревок и такелажа, стоял Мал. Его охраняли два корпориаала, но все его внимание было сосредоточено на мне. Он ждал, пока я обернусь. Я шагнула вперед, но Дарклинг схватил меня за руку.

– Ни шагу дальше.

– Позволь мне поговорить с ним, – взмолилась я. Мне самой было противно от отчаяния в моем голосе.

– Вот уж нет. У вас двоих есть вредная привычка творить глупости и называть это героизмом.

Дарклинг поднял руку, и стражи начали уводить Мала.

– Алина! – крикнул он, а затем закричал, когда корпориаал ударил его по лицу.

– Мал! – взвизгнула я. Он сопротивлялся, но его упорно вели в трюм. – Мал!

Я вырвалась из рук Дарклинга, мой голос звучал сдавленно от ярости:

– Если ты тронешь его...

– Я не собираюсь вредить ему, – перебил он. – По крайней мере, до тех пор, пока от него есть польза.

– Если ты хоть пальцем его тронешь...

– Сейчас он в безопасности, Алина. Но не испытывай мое терпение. Если один из вас перешагнет границу дозволенного, второй пострадает. Его я тоже об этом предупредил.

Я закрыла глаза, пытаясь подавить ярость и чувство безнадежности. Мы вернулись к тому, с чего начинали. Я кротко кивнула.

Дарклинг вновь покачал головой.

– До чего же с вами просто! Я уколою его, а истечешь кровью ты.

– И тебе это непонятно, не так ли?

Он протянул руку и постучал по ошейнику Морозова, позволив пальцам дотронуться до кожи на моей шее. Даже это легчайшее касание открыло между нами связь, и поток силы завибрировал в моем теле, как колокольчик, по которому ударили.

– Я понимаю достаточно, – тихо произнес он.

– Я хочу его видеть, – упорствовала я. – Каждый день. Чтобы убедиться в его безопасности.

– Конечно. Я не жесток, Алина. Просто предусмотрителен.

Я едва не расхохоталась.

– Поэтому ты натравил на меня одного из своих монстров?

– Не поэтому, – произнес он, пристально глядя мне в глаза. Затем покосился на мое плечо. – Болит?

– Нет, – соврала я.

Его губы расплылись в слабом намеке на улыбку.

– Станет легче. Но рана никогда не заживет до конца. Даже с помощью силы гришей.

– Эти твари...

– *Ничегои*.

Меня передернуло от воспоминания о клокающих звуках, которые они издавали, и о зияющих дырах на месте их ртов. Плечо начало пульсировать.

– Что они такое?

Уголки его губ приподнялись. Светлые следы от шрамов на его лице были едва заметны, словно призрачно проступающая карта. Один находился в опасной близости к правому глазу. Еще чуть-чуть, и он бы его потерял. Дарклинг коснулся рукой моей щеки, его голос звучал почти ласково, когда он прошептал:

– Они – всего лишь начало.

И затем оставил меня одну стоять на носу корабля. Кожа все еще жила его касанием, голова наполнилась вопросами.

Прежде чем я успела начать разбираться в них, передо мной возник Иван и потащил меня обратно по главной палубе.

– Помедленнее! – возмутилась я, но он лишь в очередной раз дернул меня за рукав. Я споткнулась и полетела вперед. Колени больно ударились об палубу, и я едва успела подставить закованные руки, чтобы приостановить падение. Я поморщилась, почувствовав входящую в ладонь занозу.

– Пошевеливайся, – приказал Иван. Я с трудом поднялась на колени. Он пнул меня носком ботинка, и, потеряв равновесие, я снова с глухим ударом повалилась на палубу. – Я сказал, *пошевеливайся!*

Затем меня подхватила чья-то огромная рука и аккуратно поставила на ноги. Обернувшись, я с удивлением увидела великана и черноволосую девушку.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Это вас не касается, – сердито прорычал Иван.

– Она – пленница Штурмхонда, – ответила девушка. – И обращаться с ней нужно соответственно.

Штурмхонд. Знакомое имя. Значит, это его корабль? И экипаж? О нем поговаривали на «Ферхадере». Он – равкианский корсар и контрабандист, печально известный тем, что провал блокадное кольцо фьерданцев, а также своим баснословным состоянием, заработанным поимкой вражеских кораблей. Но плавал он не под флагом с двуглавым орлом.

– Она – пленница *Дарклинга*, – возразил Иван, – и предательница.

– На суше, может, и так, – парировала девушка.

Иван пробормотал что-то на шуханском, но я ничего не поняла. Великан просто рассмеялся.

– Ты говоришь по-шухански, как турист.

– И мы не подчиняемся твоим приказам, на каком языке ни говори, – добавила незнакомка.

Иван усмехнулся.

– Уверена? – Он покрутил рукой в воздухе, и девушка схватилась за грудь, падая на одно колено.

Не успела я моргнуть, как великан достал дугообразный меч и кинулся на Ивана. Тот лениво махнул второй рукой, и парень скривился. Но это его не остановило.

– Оставь их в покое, – попыталась я вмешаться, беспомощно дергая за свои кандалы. Я могла бы призвать свет и с закованными запястьями, но не смогла бы сфокусировать луч.

Иван проигнорировал мои слова и сжал руку в кулак. Великан замер, меч выпал из его рук, а на лбу выступил пот. Иван выжимал жизнь из его сердца.

– Давай не будем переходить границы, *йежю*, – пожурил он.

– Ты его убьешь! – крикнула я, начиная паниковать. Затем пихнула Ивана плечом, пытаюсь сбить его с ног.

В этот момент прозвучал громкий двойной щелчок.

Иван окаменел, его ухмылки как не бывало. За ним стоял высокий парень примерно моего возраста, может, старше на пару лет – рыжие волосы, сломанный нос. Похож на смышленого лиса.

В его руке был пистолет со взведенным курком, дуло прижималось к шее Ивана.

– Я гостеприимный хозяин, кровопускатель. Но в каждом доме есть свои правила.

Хозяин. Должно быть, это и есть Штурмхонд. На вид он был слишком юн для капитана.

Иван опустил руки.

Великан резко втянул воздух. Девушка поднялась на ноги, продолжая держаться за грудь. Оба тяжело дышали, их глаза горели ненавистью.

– Хороший мальчик, – похвалил Штурмхонд. – Теперь я отведу пленницу в ее каюту, а ты можешь идти и заняться... чем ты там занимаешься, пока все остальные работают.

Иван нахмурился.

– Не думаю...

– Это заметно. Так зачем начинать сейчас?

Лицо Ивана налилось кровью.

– Ты не...

Штурмхонд наклонился, нотки веселья исчезли из его голоса вместе с легкомысленной манерой держаться, когда он произнес со стальной твердостью:

– Мне плевать, кто ты на суше. На этом корабле ты не более чем балласт. Если только я не скину тебя за борт – в этом случае ты наживка для акулы. Я люблю акул. Их трудно готовить, но они вносят приятное разнообразие в наш рацион. Помни об этом в следующий раз, когда надумаешь угрожать кому-то на этом судне, – он отступил назад, его веселое расположение духа вернулось. – Беги, наживка. Поспеш к своему господину.

– Я об этом не забуду, Штурмхонд, – сплюнул Иван.

Капитан закатил глаза.

– В этом и весь смысл.

Иван развернулся на каблуках и затопал прочь.

Штурмхонд спрятал пистолет в кобуру и обаятельно улыбнулся.

– Поразительно, до чего быстро на корабле становится слишком многолюдно, вам не кажется? – Он похлопал великана и девушку по плечам и тихо сказал: – Вы отлично справились.

Их внимание все еще было сосредоточено на Иване. Руки девушки сжались в кулаки.

– Я не хочу проблем, – предупредил капитан. – Вам ясно?

Они переглянулись и угрюмо кивнули.

– Хорошо. Возвращайтесь к работе. Я отведу ее в трюм.

Они снова кивнули. К моему удивлению, прежде чем уйти, эти двое коротко поклонились мне.

– Они родственники? – спросила я, глядя им вслед.

– Близнецы. Толя и Тамара.

– А ты – Штурмхонд.

– В лучшие дни, – ответил он.

На нем были кожаные штаны, пояс с пистолетами на бедрах и яркий бирюзовый сюртук с безвкусыми золотыми пуговицами и огромными манжетами. Наряд больше подходил для бала или оперной сцены, нежели для палубы корабля.

– Что делает пират на китобойном судне?

– Корсар, – исправил он меня. – У меня несколько кораблей. Дарклинг хотел китобойное судно, и я его достал.

– Точнее, украл.

– Позаимствовал.

– Ты был в моей каюте.

– Ты не первая, кто грезит обо мне, – отшутился он, ведя меня вперед.

– Я видела тебя, когда проснулась, – настаивала я. – Мне нужно...

Он поднял руку.

– Не трать время зря, милая.

– Но ты даже не знаешь, что я собиралась сказать.

– Ты собиралась поведать о своих обстоятельствах, молить о помощи, объяснить, что не можешь заплатить мне, но душа и помыслы твои чисты... и все такое.

Я уставилась на него. Именно это я и собиралась делать.

– Но...

– Ты только впустую потратишь время, дыхание и прекрасный день, – перебил он. – Мне не нравится жестокое обращение с заключенными, но на этом мое участие заканчивается.

– Ты...

Он покачал головой.

– И я известен своим иммунитетом к печальным историям. Так что, если в ней нет ни одной говорящей собаки, я не желаю ее слушать. Ну, и?

– Что «ну, и»?

– В ней есть говорящая собака?

– Нет, – огрызнулась я. – В ней есть будущее королевства и всех его жителей.

– Вот досада, – он взял меня за руку и повел к люку.

– Я думала, ты работаешь на Равку, – сердито заметила я.

– Я работаю на тех, кто больше платит.

– Значит, ты продашь свою страну Дарклингу за горсть золота?

– Нет, за *горю* золота! Уверяю тебя, мои услуги отнюдь не дешевые, – он указал на люк. – Дамы вперед.

С помощью Штурмхонда мне удалось добраться обратно до каюты, где уже ждали два гриша, чтобы запереть меня внутри. Капитан поклонился и ушел без лишних слов.

Я села на койку и обхватила голову руками. Штурмхонд мог прикидываться дурачком сколько влезет. Я знала, что он был в моей каюте, и на то должна быть причина. Или, возможно, я просто цеплялась за любой проблеск надежды.

Когда Женя принесла ужин, она обнаружила меня свернувшейся клубком на койке и глядящей в стену.

– Тебе нужно поесть, – сказала она.

– Оставь меня в покое.

– Не хмурься – морщины появятся.

– Не ври – бородавки появятся, – сухо парировала я.

Она рассмеялась и поставила поднос на стол. Затем подошла к иллюминатору и посмотрела на свое отражение в стекле.

– Может, мне перекраситься в блондинку... Красный цвет корпоралиов чудовищно смотрится с моими волосами.

Я оглянулась через плечо.

– Ты прекрасно знаешь, что могла бы ходить в засохшей грязи и все равно затмить любую девушку на двух континентах.

– И то правда, – улыбнулась она.

Я не одарила ее ответной улыбкой. Женя вздохнула и устала на носки своих сапог.

– Я скучала по тебе.

Удивительно, как ранят эти слова. Я тоже скучала. И теперь чувствую себя дурой.

– Ты вообще была мне подругой?

Она села на край койки.

– А это имеет какое-то значение?

– Мне хотелось бы знать, насколько я была глупа.

– Мне нравилось быть твоей подругой, Алина. Но я не жалею о своих поступках.

– И о поступках Дарклинга тоже? Об этом ты не жалеешь?

– Знаю, ты считаешь его чудовищем, но он делает это ради нас. Ради Равки.

Я приподнялась на локтях. Я так давно живу со знанием о лживости Дарклинга, что иногда забываю, как мало людей понимают, кто он на самом деле.

– Женя, это он сотворил Каньон.

– Черный Еретик...

– Нет никакого Черного Еретика, – выдала я правду, которую раскрыла мне Багра несколько месяцев назад в Малом дворце. – Он винил в сотворении Каньона своего предка, но в мире всегда существовал лишь один Дарклинг. Его волнует только власть.

– Это невозможно. Дарклинг посвятил всю свою жизнь попыткам освободить Равку от Каньона.

– Как ты можешь так говорить после того, что он сделал с Новокрибирском?

Дарклинг использовал силу Неморя, чтобы уничтожить целый город, и тем самым продемонстрировал свою мощь, запугал врагов и отметил начало своего правления. И я сделала это возможным.

– Я знаю, что там произошел... несчастный случай.

– Несчастный случай? Он убил сотни людей, если не тысячи!

– А как насчет людей на скифе? – тихо спросила она.

Я запнулась и легла на спину. Целую вечность изучала деревянный потолок. Мне не хотелось задавать этот вопрос, но я знала, что должна. Он преследовал меня уже не одну неделю, не одну милю океана.

– Кто-нибудь... еще выжил?

– Кроме Ивана и Дарклинга?

Я кивнула.

– Два инферна, которые помогли им сбежать. Пара солдат Первой армии и шквальная Наталия, но она умерла через два дня от ран.

Я закрыла глаза. Сколько людей было на борту скифа? Тридцать? Сорок? Мне поплохело. Я слышала их крики, вой волькр. Чувствовала запах пороха и крови. Я пожертвовала ими ради Мала, ради свободы, но в итоге они погибли зря. Мы снова в лапах Дарклинга, и он стал даже более могущественным, чем прежде.

Женя положила руку поверх моей.

– Ты сделала, что должна была, Алина.

Я резко хохотнула и выдернула руку.

– Так говорит тебе Дарклинг? И как, легче от этого?

– Не особо, – она опустила взгляд на колени, комкая и расправляя полы кафтана. – Он освободил меня, Алина. Что я должна была делать? Бежать обратно во дворец? К королю? – Девушка яростно замотала головой. – Нет. Я сделала свой выбор.

– А остальные гриши? Не может такого быть, чтобы все перешли на сторону Дарклинга. Сколько из них осталось в Равке?

Женя напряглась.

– Не думаю, что могу обсуждать это с тобой.

– Женя...

– Ешь, Алина. Попробайся отдохнуть. Скоро мы достигнем льдов.

Лед. Значит, мы не возвращались в Равку, а двигались на север.

Она встала и смахнула пылинку с кафтана. Сколько бы она ни шутила о цвете, я знала, как много он для нее значит. Он доказывал, что она настоящий гриш – защищенная, почитаемая. И самое главное – уже не служанка. Я вспомнила о загадочной болезни, ослабившей короля прямо перед переворотом Дарклинга. Женя была одной из немногих гришей, имевших доступ к королевской семье. И она воспользовалась этим, чтобы заслужить право носить красный кафтан.

– Женя, – позвала я, когда она подошла к двери. – Еще один вопрос.

Ее рука замерла на щеколде.

Это казалось таким незначительным и глупым после всего, что произошло. Но вопрос не давал мне покоя.

– Письма, которые я писала Малу во дворце. Он сказал, что так их и не получил.

Она не обернулась, но я заметила, как поникли ее плечи.

– Их никогда не отправляли, – прошептала девушка. – Дарклинг говорил, что ты должна оставить свое прошлое позади.

Она закрыла дверь, и я услышала, как щелкнул засов.

Все то время, которое мы провели за веселыми беседами, чаепитиями и примерками... все это время она мне лгала. Хуже всего то, что Дарклинг был прав. Если бы я продолжала цепляться за Мала и воспоминания о любви к нему, то никогда бы не овладела своей силой. Но Женя этого не знала. Она просто следовала указам и разбивала мне сердце. Не знаю, как это называется, но определенно не дружбой.

Я повернулась на бок, чувствуя под собой мягкое покачивание корабля. Похоже ли это на убаюкивание матерью своего младенца? Кто его знает. Иногда Ана Куя напевала себе что-то под нос, пока гасила свет и закрывала на ночь спальни в Керамзине. Это было нечто самое близкое к колыбельной, что мы с Малом когда-либо слышали.

Где-то наверху матросы пытались докричаться друг до друга сквозь шум ветра. Удар колокола обозначил начало новой смены.

«Мы живы, – напомнила я себе. – Однажды нам уже удалось от него сбежать. Удастся и сейчас».

Но это не помогло, и наконец я сдалась, дав волю слезам. Штурмхонда купили за хорошенькую сумму. Женя выбрала Дарклинга. Мы с Малом, как всегда, одни, без друзей и союзников, окруженные равнодушным морем. На сей раз, даже если мы что-нибудь придумаем, нам некуда бежать.

ГЛАВА 3

Меньше чем через неделю я заметила первые льдины. Мы заплыли далеко на север, где море темнело, и из его глубин выступали ледяные шпильки. Хотя и стояло раннее лето, ветер жалил нам кожу. Утром все веревки были покрыты инеем.

Я часами меряла шагами каюту и вглядывалась в бескрайнее море. Каждое утро меня выводили на палубу, где позволяли размяться и посмотреть на Мала издали. Дарклинг всегда стоял у перил, в поисках чего-то всматриваясь в горизонт. Штурмхонд и его команда держались на расстоянии.

На седьмой день мы проплыли меж двух пологих гранитных островков, которые я опознала благодаря своей работе картографом: Вилка и Желка. Мы оказались на Костяной тропе – протяженной полосе черной воды, где бесчисленное количество кораблей разбивалось о безымянные острова, которые появлялись и пропадали в тумане. На карте они обозначались черепами матросов, монстрами с зияющими ртами, русалками с белоснежными волосами и бездонными черными глазами тюленей. Сюда заплывали только самые опытные фьерданские охотники, чтобы добыть шкуры и мех, рискуя жизнью ради ценных трофеев. Но за каким трофеем гнались мы?

Штурмхонд приказал опустить паруса, и корабль замедлил ход, дрейфуя в тумане. Судно погрузилось в непривычную тишину. Я смотрела на баркасы, на стойки с гарпунами из стали гришей. Не трудно догадаться, для чего они здесь. Дарклинг искал какой-то усилитель. Я осмотрела ряды гришей и задумалась, кто же стал избранным для очередного «дара» Дарклинга. Но тут во мне начало зарождаться ужасное подозрение.

«Это безумие, – убеждала я себя. – Он не осмелится на такое».

Мысль принесла мало утешения. Дарклинг осмеливался на все и всегда.

* * *

На следующий день Дарклинг приказал привести меня к нему.

– Для кого? – спросила я, когда Иван оставил меня у перил правого борта.

Дарклинг просто смотрел на волны. Я задумалась, не скинуть ли его в море. Ему, конечно, сотни лет, но это не значит, что он умеет плавать в ледяной воде.

– Прошу, скажи, что ты не думаешь о том же, о чем и я. Скажи, что этот усилитель для какой-нибудь другой глупой, доверчивой девчонки.

– Менее упрямой? Менее эгоистичной? Не желающей жить как трусливая мышка? Поверь мне, я бы с удовольствием.

Меня затошнило.

– У гриша может быть только один усилитель. Ты сам мне это сказал.

– Усилители Морозова другие.

Я уставилась на него.

– Есть еще один, как олень?

– Они созданы для того, чтобы использоваться вместе, Алина. Они так же уникальны, как мы.

Я вспомнила книги по теории гришей. Все они утверждали одно: сила гриша не безгранична. Ее нужно держать в узде.

– Нет. Я не хочу этого. Я хочу...

– Ты *хочешь*, – передразнил Дарклинг. – Я хочу видеть, как твой следопыт медленно умирает с моим ножом в сердце. Я хочу видеть, как море поглощает вас обоих. Но наши судьбы отныне связаны, Алина, и с этим ничего не поделаешь.

– Ты ненормальный.

– Знаю, тебе нравится так думать. Но усилители должны быть вместе. Если и есть надежда на то, что мы сможем контролировать Каньон...

– Нельзя *контролировать* Каньон. Его нужно уничтожить!

– Осторожней, Алина, – он слабо улыбнулся. – Я думал о тебе то же самое. – Дарклинг жестом позвал Ивана, стоявшего на почтительном расстоянии от нас. – Приведи мальчишку.

Мое сердце подскочило к горлу.

– Стой! Ты же сказал, что не навредишь ему!

Он не ответил. Я начала глупо оглядываться по сторонам. Будто кто-то на этом забытом святыми корабле прислушается к моим мольбам. Штурмхонд стоял у штурвала и наблюдал за нами с безразличным выражением лица.

Я дернула Дарклинга за рукав.

– Мы же договорились! Я ничего не сделала. Ты обещал...

Дарклинг окинул меня взглядом своих холодных кварцевых глаз, и слова замерли у меня на губах.

Через минуту Иван вывел на палубу Мала и приблизился вместе с ним к перилам. Мал щурился от яркого света, его руки были связаны. Так близко друг к другу мы не стояли с того момента, как оказались на судне. Несмотря на бледность и усталый вид, в остальном он выглядел невредимым. Я прочитала немой вопрос в его настороженном взгляде, но ответа у меня не было.

– Ладно, следопыт, – начал Дарклинг. – Ищи.

Мал переводил взгляд с меня на него.

– Искать кого? Мы посреди океана.

– Алина однажды сказала, что ты смог бы выследить кролика даже среди скал. Я лично опросил экипаж «Ферхадера», и они утверждали, что в море ты себя проявил ничем не хуже. Они также полагали, что своими умениями ты мог бы сделать какого-нибудь счастливого капитана очень богатым.

Мал нахмурился.

– Ты хочешь, чтобы я охотился на китов?

– Нет, – улыбнулся Дарклинг. – Я хочу, чтобы ты охотился на морского хлыста.

Мы удивленно таращились на него. Я едва не расхохоталась.

– Ты ищешь дракона? – с недоверием спросил Мал.

– Ледяного дракона. Русалье.

Русалье. По легенде, морской хлыст был проклятым принцем, которого заставили принять форму морского змея и охранять холодные воды Костяной тропы. Это – второй усилитель Морозова?

– Это детская сказка, – озвучил мои мысли Мал. – Его не существует.

– Люди на протяжении многих лет встречают его в этих водах, – возразил Дарклинг.

– Вместе с русалками и белыми селки¹. Это миф.

Дарклинг выгнул бровь.

– Как и олень?

Мал посмотрел на меня. Я еле заметно покачала головой. Что бы Дарклинг ни задумал, мы не станем ему помогать.

¹ Сёлки – люди-тюлени, мифические существа необыкновенной красоты из шотландского и ирландского фольклора, миролюбивый морской народ.

Мал перевел взгляд на волны.

– Я даже не знаю, с чего начать.

– Ради ее же блага, надеюсь, что это не так, – Дарклинг достал миниатюрный нож из складок своего кафтана. – Каждый день, до тех пор, пока мы не найдем хлыста, я буду отрезать по кусочку ее кожи. Медленно. Затем Иван исцелит ее, и на следующий день все повторится.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица.

– Ты не навредишь ей, – заявил Мал, но я слышала страх в его голосе.

– Я не *хочу* ей вредить. Я хочу, чтобы ты сделал, как я прошу.

– У меня ушли месяцы, чтобы найти оленя, – начал он в отчаянии. – Сам не знаю, как нам это удалось!

Тут Штурмхонд вышел вперед. Я так сосредоточилась на Мале и Дарклинге, что чуть не забыла о нем.

– Я не позволю мучить девушку на моем корабле.

Дарклинг обратил взор своих жестоких глаз на корсара.

– Ты работаешь на меня, Штурмхонд. Делай свою работу, или награда за нее станет последней из твоих забот.

По кораблю пробежал тревожный ропот. Команда Штурмхонда обступала гришей, и их лица выражали отнюдь не дружелюбие. Женя прижала ладонь ко рту, но ничего не сказала.

– Дай следопыту время, – тихо произнес Штурмхонд. – Неделью. Хотя бы пару дней.

Дарклинг схватил меня за предплечье, задирая рукав, чтобы оголить бледную кожу.

– Мне начать с руки? – он опустил рукав и провел костяшками пальцев по моей щеке. – Или с лица? – Затем кивнул Ивану. – Держи ее.

Иван взял меня за шею. Дарклинг поднял нож. Уголком глаза я заметила блеск металла. Попыталась отодвинуться, но Иван крепко меня держал. Лезвие коснулось моей щеки. Я испуганно втянула воздух.

– Стой! – крикнул Мал.

Дарклинг ждал.

– Я... я сделаю это.

– Мал, нет! – храбро вскрикнула я, хоть и не чувствовала себя храброй.

Он сглотнул.

– Возьмите курс на юго-запад. Туда, откуда мы приплыли.

Я замерла. Он что-то заметил? Или просто пытался отвести от меня опасность?

Дарклинг склонил голову набок и окинул его изучающим взглядом.

– Я думаю, ты знаешь, что со мной не стоит играть в игры, следопыт.

Мал быстро кивнул.

– Я могу это сделать. Я найду его. Просто... дай мне время.

Дарклинг спрятал нож. Я медленно выдохнула и попыталась подавить дрожь.

– У тебя есть неделя, – сказал он, развернувшись и исчезая в люке. Затем крикнул Ивану: – Веди ее сюда.

– Мал... – начала я, когда Иван взял меня за запястье.

Тот поднял связанные руки и потянулся ко мне. Его пальцы на мгновение задели мои, но тут Иван потащил меня к люку.

Мои мысли путались, пока мы спускались в сырой трюм корабля. Я плелась за Иваном, то и дело спотыкаясь, и пыталась осознать все, что только что произошло. Дарклинг обещал не трогать Мала, пока от того есть толк. Я полагала, что он использует его, дабы держать меня в ежовых рукавицах, но теперь стало ясно, что дело не только в этом. Неужели Мал действительно думает, что сможет найти морской хлыст? Или просто тянет время? Я даже не знала, какой из этих вариантов более предпочтителен. Мысль о том, что меня подвергнут пыткам,

не прельщала, но что, если мы найдем ледяного дракона? Что для нас будет значить второй усилитель?

Иван втолкнул меня в просторную каюту, напоминавшую капитанскую. Должно быть, Штурмхонду пришлось переехать к остальной команде: кровать была задвинута в угол. Вдоль вогнутой стены кормового отсека шли ряды окошек из толстого стекла. Сквозь них просачивался свет на стол, за которым сидел сам Дарклинг.

Иван поклонился и ретировался из комнаты, закрыв за собой дверь.

– Ему не терпится убраться от тебя подальше, – сказала я, стоя у входа. – Иван боится того, кем ты стал. Как и все остальные.

– А ты боишься меня, Алина?

– Тебе бы этого хотелось, не так ли?

Дарклинг пожал плечами.

– Страх – могущественный союзник. И верный.

Он наблюдал за мной своим жестким, оценивающим взглядом, который всегда вызывал у меня ощущение, словно меня читают, как открытую книгу. Его пальцы водят по тексту, вбирая тайные знания, о которых я могу только догадываться. Я пыталась не ерзать, но мне натерли кандалы на запястьях.

– Я хотел бы освободить тебя, – тихо произнес он.

– Освободить, освежевать. Сколько вариантов! – Я все еще чувствовала лезвие ножа на щеке.

Он вздохнул.

– Это была угроза, Алина. И с ее помощью я добился того, что мне было необходимо.

– Значит, ты не собирался меня резать?

– Я такого не говорил, – произнес он ласково и непринужденно, как всегда. Таким голосом он грозился порезать человека, с той же интонацией заказывал ужин.

В тусклом свете я едва могла различить светлые линии его шрамов. Наверное, стоило помолчать, дать ему заговорить первым, но любопытство взяло надо мной верх.

– Как тебе удалось выжить?

Дарклинг провел рукой по острому подбородку.

– Судя по всему, волькр не интересуется вкус моей плоти, – лениво протянул он. – Ты никогда не замечала, что они не питаются друг другом?

Меня передернуло. Они были его творениями, прямо как тот монстр, который пронзил зубами мое плечо. Кожа в том месте продолжала пульсировать.

– Подобное притягивает подобное.

– Стоит признать, что тот опыт мне не хотелось бы повторять. Милости волькр мне хватило сполна. Твоей тоже.

Я пересекла комнату, остановившись у стола.

– Тогда зачем давать мне второй усилитель? – спросила я с отчаянием в голосе, надеясь найти аргумент, который смог бы его образумить. – Если ты забыл, я пыталась тебя убить.

– И потерпела поражение.

– Да здравствует второй шанс! Зачем делать меня сильнее?

Он вновь пожал плечами.

– Без усилителей Морозова Равка обречена. Тебе предназначено собрать их, а мне – править. Иначе быть не может.

– Как это удобно.

Он отклонился на спинку кресла и сложил руки на груди.

– Я бы не сказал, что вести с тобой дела удобно, Алина.

– Нельзя смешивать усилители. Об этом говорится во всех книгах...

– Не во *всех*.

Мне хотелось кричать от досады.

– Багра меня предупреждала! Она говорила, что ты самонадеянный наглец, ослепленный амбициями!

– Да что ты? – голос у него стал ледяным. – Какие еще преступные речи она нашептывала тебе на ушко?

– Что она любит тебя, – сердито ответила я. – И верит, что ты можешь искупить свою вину.

Тут он отвернулся, но не раньше, чем я увидела гримасу боли на его лице. Что он с ней сделал? И чего ему это стоило?

– Искупление, – пробормотал он. – Спасение. Покаяние. Причудливые идеи моей матери. Наверное, мне следовало уделять им больше внимания. – Дарклинг потянулся к ящику стола и достал тонкий красный том. Когда он поднял его к свету, на обложке блеснули золотые буквы: «История святых». – Знаешь, что это?

Я нахмурилась. В голове мелькнуло смутное воспоминание. Много месяцев назад, в Малом дворце, Апрат подарил мне книгу. Я бросила ее в ящик комода и тут же о ней забыла.

– Это детская книжка.

– Ты читала ее?

– Нет, – призналась я, внезапно пожалевав об этом. Дарклинг внимательно смотрел на меня. Что могло быть такого важного в старом собрании религиозных картинок?

– Суеверия, – начал он, поглядывая на обложку. – Пропаганда для крестьян. По крайней мере, я так думал. Морозов был странным человеком. Немного похожим на тебя – его тоже тянуло к обыкновенным и слабым.

– Мал не слабый.

– Талантливый, не спорю, но не гриш. Ему никогда не стать равным тебе.

– Мы равны и даже больше, – рявкнула я.

Дарклинг покачал головой. Не изучи я его хорошенько, я могла бы принять выражение на его лице за жалость.

– Ты думаешь, что обрела семью. Что нашла свое будущее. Но твоя сила будет расти, а он будет стариться и слабеть. Он проживет короткую жизнь отказника, а ты будешь смотреть, как он умирает.

– Заткнись!

Дарклинг улыбнулся.

– Давай, топни ножкой, борись со своим естеством. Тем временем твоя страна страдает.

– Из-за тебя!

– Из-за того, что я доверился девчонке, которая испытывает отвращение к собственному дару! – Он встал и обошел стол. Несмотря на мой гнев, я сделала шаг назад, врезавшись в кресло.

– Я знаю, что ты чувствуешь, когда ты со следопытом.

– Сомневаюсь.

Он лишь отмахнулся.

– Нет, я не про вашу абсурдную привязанность, которую ты еще перерастешь. Я вижу истинный ответ в твоём сердце. Одиночество. Растущее понимание того, что ты – другая, – он наклонился. – Боль от этого.

Я попыталась скрыть свое смятение.

– Не понимаю, о чем ты, – сказала я, но даже мне эти слова показались фальшивыми.

– Она никогда не исчезнет, Алина. Будет только хуже, за какими бы шарфами ты ни пряталась, какую бы ложь ни произносила, как бы далеко или быстро ни бежала.

Я попыталась отвернуться, но Дарклинг взял меня за подбородок и заставил посмотреть на себя. Он стоял так близко, что я чувствовала его дыхание.

– Таких, как мы, больше нет, Алина, – прошептал он. – И никогда не будет.

Я дернулась в сторону, оттолкнув кресло, и едва не потеряла равновесие. Начала барабанить кулаками в железных кандалах по двери, призывая Ивана. Тот не появлялся, пока Дарклинг сам ему не приказал.

Уголкем сознания я отметила руку Ивана у себя на спине, вонь в коридоре, матроса, пропустившего нас, затем тишину в моей тесной каюте, звук захлопывающейся двери, койку, прикосновение грубой ткани, когда я зарылась лицом в одеяло. По телу проходили волны дрожи, пока я пыталась выкинуть из головы слова Дарклинга про смерть Мала. Про мою долгую жизнь. Про боль оттого, что я другая, которая никогда не пройдет. Каждый новый страх впивался в меня острыми коготками, поселяясь глубоко в сердце.

Я знала, что он искусный лжец. Он мог изобразить любую эмоцию, сыграть на любом человеческом чувстве. Но я не могла отрицать и того, что ощутила в Новом Земе, или же правду, которую показал мне Дарклинг: мою собственную грусть, мою тоску, отраженную в его холодных серых глазах.

* * *

Настроение на судне изменилось. Экипаж стал более беспокойным и бдительным, памятуя о неуважительном отношении к своему капитану. Гриши тихо судачили между собой, их терпение подходило к концу из-за нашего медленного продвижения по водам Костяной тропы.

Каждый день Дарклинг приводил меня на палубу, чтобы я стояла рядом с ним на носу корабля. Мала держали под охраной в другом конце. Иногда я слышала, как он выкрикивал Штурмхонду указания по курсу, или видела, как он указывал на нечто похожее на глубокие царапины над уровнем воды, прямо на глыбах льда, мимо которых мы проплывали.

Я всматривалась в грубые борозды. Возможно, это следы от когтей. А может, и ничего особенного. Тем не менее, я видела в Цибее, на что способен Мал. Когда мы искали оленя, он указывал мне на сломанные ветки, примятую траву, знаки, которые сразу же становились очевидными, стоило на них указать, но которые были незаметны для моих глаз за мгновение до этого. Члены экипажа относились к нему скептически. Гриши – пренебрежительно.

На закате, когда очередной день шел на убыль, Дарклинг водил меня по палубе и спускал в люк прямо на глазах у Мала. Нам запрещалось разговаривать. Я пыталась задержать его взгляд, без слов передать, что я в порядке, но видела, как росли его ярость и отчаяние. Утешить его было не в моих силах.

Один раз я споткнулась об крышку люка, и Дарклинг поймал меня, прижав к себе. Он мог бы отпустить меня, но вместо этого замер, и, не успев я отпрянуть, как его рука скользнула ниже моей спины.

Мал рванул вперед, и лишь хватка стражей сдержала его от того, чтобы напасть на Дарклинга.

– Еще три дня, следопыт.

– Не трогай ее! – прорычал он.

– Я сдержал свою часть сделки. Ей никто не навредил. Но, возможно, ты боишься не этого?

Казалось, еще чуть-чуть и Мал не выдержит. Его лицо побледнело, губы сжались в тонкую линию, мышцы на руках напряглись от попыток разорвать сковывающие его веревки. Я не могла на это смотреть.

– Со мной все в порядке, – тихо произнесла я, рискуя нарваться на нож Дарклинга. – Он не может причинить мне вред.

Ложь, но она казалась сладкой на моих губах.

Дарклинг переводил взгляд с меня на Мала, и я увидела проблеск мрачной зияющей дыры внутри него.

– Не беспокойся, следопыт. Ты поймешь, когда наша сделка будет разорвана, – он втолкнул меня в трюм, но не прежде, чем до меня донеслись его прощальные слова Малу: – Я позабочусь о том, чтобы ты услышал, когда я заставлю ее кричать.

* * *

Неделя подходила к концу, и на шестой день Женья разбудила меня рано утром. Придя в себя, я поняла, что еще даже не рассвело. Меня пронзил страх. Может, Дарклинг решил положить конец моей отсрочке и исполнить свои угрозы?

Но лицо Жени светилось от счастья.

– Он что-то нашел! – пропела она, подпрыгивая на носочках. Девушка едва не пританцовывала, пока помогала мне подняться с койки. – Следопыт сказал, что мы близко!

– Его зовут Мал, – буркнула я, отстраняясь от Жени и игнорируя ее обиженный вид.

«*Неужели это правда?*» – гадала я, пока меня вели на палубу. Может, Мал просто оттягивал время?

Мы вышли под тускло-серый свет раннего утра. На палубе толпились гриши, вглядывающиеся в воду, пока шквальные управляли ветром, а команда Штурмхонда отвязывала паруса.

Туман стал плотнее, чем накануне. Он нависал над водой и заползал влажными завитками на корпус корабля. Тишину нарушали лишь указания Мала и отрывочные команды Штурмхонда.

Когда мы вышли на широкий открытый участок моря, Мал повернулся к Дарклингу:

– Кажется, мы близко.

– *Кажется?*

Он кивнул.

Дарклинг задумался. Если Мал просто тянул время, его старания обречены на провал, и цена этому будет слишком высокой.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Дарклинг кивнул Штурмхонду.

– Спускай паруса, – приказал он корсару, и команда принялась выполнять.

Иван постучал Дарклинга по плечу и указал на южный горизонт.

– Корабль, мой господин.

Я прищурилась, глядя на крошечное пятнышко на синем фоне.

– Под каким они флагом? – спросил Дарклинг у Штурмхонда.

– Наверное, это рыбаки. Но мы будем присматривать за ними на всякий случай. – Он махнул одному из членов экипажа, и тот поспешил к бом-брамселю с подзорной трубой в руке.

Баркасы подготовили и спустили на воду, полные людьми Штурмхонда и ошестинившиеся гарпунами. Гриши Дарклинга собрались у перил, чтобы наблюдать за продвижением лодок. Туман, казалось, усиливал громкость шлепков весел о волны.

Я шагнула к Малу. Всеобщее внимание было сосредоточено на воде. Только Женья наблюдала за мной. Она замешкала, а затем намеренно отвернулась и присоединилась к другим у перил.

Мы с Малом смотрели вперед, но при этом стояли так близко, что наши плечи соприкасались.

– Скажи, что ты в порядке, – пробормотал он хриплым голосом.

Я кивнула, сглотнув ком в горле.

– В порядке. Он действительно где-то здесь?

– Не знаю. Возможно. Было время, когда я искал оленя и думал, что мы близко, но... Алина, если я ошибаюсь...

Я повернулась, не заботясь о том, что нас увидят и какое наказание за этим последует. Туман поднимался от воды и заползал на палубу. Я посмотрела на Мала, изучая каждую черту его лица: голубые глаза, изгиб губ, шрам на подбородке. За его спиной Тамара поспешно взбиралась по вантам с зажатым в руке фонарем.

– Ты ни в чем не виноват, Мал. Ни в чем.

Он опустил голову, прижимая свой лоб к моему.

– Я не позволю ему обидеть тебя.

Мы оба понимали, что в этом он бессилен, но правда приносила слишком много боли, поэтому я ответила:

– Знаю.

– Ты мне подыгрываешь, – произнес он с намеком на улыбку.

– Что поделать, с тобой постоянно нужно нянчиться.

Он прижался губами к моей макушке.

– Мы найдем способ выпутаться из этого, Алина. Как всегда.

Я положила закованные руки на его грудь и закрыла глаза. Мы – одни в ледяном море, пленники человека, который мог создавать монстров из тьмы и пустоты, и, тем не менее, я верила его словам. Я прижалась к Малу и впервые за много дней позволила себе надеяться.

Прозвучал крик:

– В двух румбах по правому борту!

Все как один повернулись, и я замерла. В тумане что-то двигалось – мерцающий, изогнутый белый силуэт.

– Ради всего святого, – выдохнул Мал.

В эту секунду над волнами показалась спина морского хлыста, его тело прорезало воду волнистой дугой, чешуйки на спине заискрились радугой.

Русалье.

ГЛАВА 4

Русалье был не более чем народным преданием, детской сказкой, плодом грез, жившим на окраинах карт. Но сомневаться не приходилось: ледяной дракон реален. И Мал отыскал его, как и оленя до этого. Все это казалось неправильным. Как будто все происходило слишком быстро, и мы мчались навстречу неизведанному.

Вдруг мое внимание привлек крик с лодки. Мужчина на ближайшем к морскому хлысту баркасе встал и нацелил гарпун. Но дракон ударил белым хвостом, рассекая волны, и стена воды обрушилась на корпус лодки. Та сильно накренилась, затем резко выровнялась в последний момент, и мужчина с гарпуном с размаху хлопнулся на задницу.

«Отлично, – подумала я. – Дай им отпор!»

Теперь гарпуны полетели с другой лодки. Первый был пущен слишком далеко и бесполезно плюхнулся в море. Второй вонзился в бок морского хлыста.

Тот свернулся, размахивая хвостом в разные стороны, а затем вздыбился, как змея. На долю секунды русалье завис в воздухе: полупрозрачные плавники, похожие на крылья, блестящая чешуя и разъяренные красные глаза. С гривы стекали потоки воды, а массивная пасть разверзлась, открывая розовый язык и ряды острых зубов. Он обрушился вниз на ближайшую лодку, послышался громкий треск дерева. Утлое суденышко разломилось пополам, и мужчины оказались в море. Челюсти дракона сомкнулись на ногах матроса, и тот, крича, исчез среди волн. Оставшаяся часть команды яростно гребла по кровавым водам, пытаясь доплыть до уцелевших лодок, где бы их втащили на борт.

Я оглянулась на такелаж китобойного судна. Верхушки мачт скрылись в тумане, но я все еще могла различить свет фонарика Тамары на брам-стеннге.

Очередной гарпун нашел свою цель, и морской хлыст запел. Это был самый прекрасный звук, который я когда-либо слышала. Хор голосов исполнял жалобную, бессловесную песню. *«Нет, – внезапно осознала я. – Это не песня».* Дракон кричал, извивался и корчился на волнах, пока лодки преследовали его, пытаясь вытащить крючки гарпунов из его плоти. *«Борись, – мысленно молила я. – Если попадешь в его лапы, то уже никогда не познаешь свободы».*

Но дракон уставал. Его движения стали вялыми, а крики – натужными и полными горечи. Их музыка тускнела и затихала.

Какая-то часть меня желала, чтобы Дарклинг поскорее положил этому конец. Почему он медлил? Почему не использовал разрез на русалье и не связывал меня с ним, как с оленем?

– Несите сети! – крикнул Штурмхонд. Но туман так сгустился, что я не могла разобрать, откуда доносится его голос. Со стороны правого борта послышалась череда глухих ударов.

– Рассейте туман! – приказал Дарклинг. – Мы теряем из виду лодки.

Гриши начали перекликаться друг с другом. Затем я почувствовала, как порывы ветра шквальных раздувают полы моего пальто.

Туман развеялся, и у меня чуть не отпала челюсть от увиденного. Дарклинг и его гриши продолжали стоять у перил правого борта, сосредоточившись на лодках, которые гребли прочь от китобоя. Но с левого борта появился, будто из ниоткуда, другой корабль – элегантная шхуна со сверкающими мачтами и яркими флагами: на одном был изображен красный пес на фоне изумрудного поля, а на втором, ниже, – бледно-голубом с золотом – равкианский двуглавый орел.

Вновь раздался глухой стук. Я увидела, как за перила судна цепляются стальные кошки. Абордажные крюки!

Все произошло в мгновение. Откуда-то раздался вой, напоминавший завывания волка на луну. Люди начали перебираться через перила на палубу китобоя. К их груди были прицеп-

лены пистолеты, а в руках блестили тесаки. Они выли и лаяли, как стая диких собак. Дарклинг обернулся, и на его лице застыло выражение недоумения и ярости.

– Что за чертовщина творится? – спросил Мал, пока мы пятились под бизань-мачту, обеспечивающую нас хоть и скудной, но защитой.

– Не знаю. Либо что-то очень хорошее, либо что-то очень плохое.

Мы встали спиной к спине. Мои руки были закованы, его – связаны, и у нас обоих не было никакой возможности защищаться, пока на палубе разворачивался бой. Гремели выстрелы пистолетов. Воздух ожил от всполохов пламени инфернов.

– Ко мне, псы! – прокричал Штурмхонд и кинулся в гущу толпы с саблей в руке.

Гришей со всех сторон обступали лающие, скулящие, рычащие люди – уже не только с перил шхуны, но и с такелажа китобоя. Это люди Штурмхонда! Штурмхонд предал Дарклинга!

Корсар определенно потерял рассудок. Да, их было больше, чем гришей, но количество не играло никакой роли в бою с Дарклингом.

– Смотри! – позвал Мал.

Мужчины в уцелевшей лодке поймали отбивающегося морского хлыста. Они подняли паруса, но бодрый ветерок нес их не к нашему судну, а напрямик к шхуне. Этот свежий бриз появился словно из ниоткуда. Я присмотрелась внимательнее. Матрос на корме лодки стоял с поднятыми руками. Ошибки быть не могло – на Штурмхонда работал шквальный.

Вдруг кто-то схватил меня за талию и оторвал от пола. Мир перевернулся вверх тормашками. Меня закинули на чье-то мощное плечо, и я закричала.

Подняв голову и заколотив кулаками по руке, державшей меня стальной хваткой, я увидела, как Тамара бежит к Малу с ножом.

– Нет! Мал!

Он занял защитную позу, но девушка всего лишь перерезала его веревки.

– Беги! – крикнула она, подкинув ему нож и доставая меч из ножен на бедре.

Толя схватил меня крепче и побежал по палубе. Тамара и Мал следовали за нами.

– Что вы делаете? – запротестовала я, ударяясь головой о широкую спину великана.

– Просто бегите! – ответила Тамара, замахнувшись на корпоряла, вставшего у нее на пути.

– Не могу! Твой идиот-братец закинул меня на плечо, как мешок с картошкой!

– Ты хочешь, чтобы тебя спасли, или нет?

У меня не было времени ответить.

– Держись крепче, – предупредил меня Толя. – Сейчас будем прыгать.

Я зажмурилась, готовясь окунуться в ледяную воду. Но не успел Толя сделать и пары шагов, как вдруг закричал и упал на колено, выпуская меня из рук. Я рухнула на палубу и неловко перекатилась на бок. Подняв глаза, увидела Ивана и инферна в синей мантии.

Рука Ивана была вытянута. Он сжимал Толе сердце, и на сей раз Штурмхонд не мог его остановить.

Инферн накинулся на Тамару и Мала с кремнем в кулаке. Второй рукой рисовал дугу пламенем. *«Битва закончилась, толком не начавшись»*, – жалобно подумала я. Но в следующий миг инферн замер и ахнул. Его огонь погас в воздухе.

– Чего ты медлишь?! – взревел Иван.

Единственным ответом гриша было сдавленное шипение. Его глаза выпучились, и мужчина зацарапал себе горло.

В правой руке Тамары был меч, но ее левая сжалась в кулак.

– Неплохой фокус, – сказала она, выбив кремь из ладони инферна. – Я тоже парочку приберегла.

Девушка подняла меч и умело проткнула им беспомощного гриша.

Тот свалился на палубу. Иван недоуменно смотрел на Тамару, нависающую над безжизненным телом, с ее меча стекала кровь. Должно быть, он слишком на нее отвлекся, потому что в следующую секунду Толя поднялся с колена и издал боевой клич.

Иван сжал кулаки, сосредотачиваясь на противнике. Лицо Толи исказилось, но он не упал. Затем великан вытянул руку, и Иван скорчился от боли и удивления.

Я переводила взгляд с Толи на Тамару, и тут меня осенило. Они гриши! Сердцебиты!

– Как тебе такое, малыш? – спросил Толя, подходя к Ивану. Впав в отчаяние, тот вытянул вторую руку. Его трясло, и я видела, как он силится сделать вдох.

Толя слегка покачнулся, но продолжил идти.

– Вот мы и узнаем, у кого из нас крепче сердце, – прорычал он.

Великан медленно зашагал вперед, будто двигался против сильного ветра. Его лицо блестело от пота, а зубы обнажились в свирепой улыбке. Я задумалась, не падут ли они оба в этой битве.

Пальцы Толи сжались в кулак. Иван забился в агонии, его глаза закатились. На губах надувались и лопались пузыри крови. Он повалился на палубу и уже не встал.

Краем сознания я отмечала все, что творилось вокруг. Воцарился хаос. Тамара боролась со шквальным. Два других гриша накинудись на Толю. Прогремел выстрел – Мал достал пистолет. Но я не могла отвести взгляд от безжизненного тела Ивана.

Он мертв. Правая рука Дарклинга. Один из самых сильных сердцебитов Второй армии. Ему удалось пережить битву в Каньоне с волькрами, а теперь он мертв.

Чей-то тихий всхлип вывел меня из забвения. Женя смотрела на Ивана и прикрывала рот ладонью.

– Женя...

– Остановите их! – донесся крик с другой части палубы. Я обернулась и увидела Дарклинга, сцепившегося с вооруженными матросами.

Женю била дрожь. Она потянулась в карман кафтана и достала пистолет. Толя бросился в ее сторону.

– Нет! – крикнула я, становясь между ними. Не позволю ему убить Женю!

Тяжелое оружие тряслось в ее руке.

– Женя, – тихо начала я, – ты действительно пристрелишь меня?

Ее взгляд забегал в разные стороны. Она не знала, куда стрелять. Я положила руку на ее запястье. Девушка вздрогнула и попыталась навести дуло на меня.

Воздух сотрясся от громоподобного звука. Я тут же догадалась, что Дарклинг выиграл бой. Повернувшись, увидела, что к нам мчится волна непроглядной тьмы. *«Все кончено, – подумала я. – Нам конец»*. Но в следующую секунду передо мной мелькнула яркая вспышка. Прозвучал очередной выстрел. Облако тьмы рассеялось, и за ним я увидела сжимающего предплечье Дарклинга. Его лицо скривилось от боли и гнева. Мне не верилось – его подстрелили!

К нам уже спешил Штурмхонд с пистолетом в руке.

– Бегите!

– Быстрее, Алина! – крикнул Мал, потянувшись, чтобы взять меня за руку.

– Женя, – позвала я с нотками отчаяния в голосе, – пошли с нами.

Ее рука дрожала так сильно, что я опасалась, как бы не выпал пистолет. По щекам девушки струились слезы.

– Я не могу, – сломленно всхлипнула она, опуская оружие. – Иди, Алина. Просто уходи.

В следующее мгновение Толя снова закинул меня на плечо. Я тщетно забарабанила по его спине.

– Нет! Подождите!

Но никто не обратил на меня внимания. Толя разбежался и перепрыгнул через перила. Я закричала, наблюдая за приближением ледяной воды, и приготовилась к удару. Вместо этого

нас подхватил сильный ветер, управляемый шквальным, и с глухим ударом опрокинул на палубу атакующей шхуны. За нами приземлились Тамара с Малом, а затем и Штурмхонд.

– Подайте сигнал! – крикнул он, вскакивая на ноги.

Раздался оглушающий свист.

– Петр, – обратился он к незнакомому мне матросу, – докладывай.

– Восемь полегло, – ответил он. – Четверо остались на китобое. Груз уже поднимают.

– Святые бы вас побрали! – выругался Штурмхонд. Он оглянулся на судно, явно ведя какую-то мысленную борьбу. – Мушкетеры, прикройте их! – крикнул он людям на грот-стеннге.

Те начали обстреливать палубу китобоя. Толя передал Малу ружье и повесил одно себе за спину. Потом прыгнул на такелаж и взобрался наверх. Тамара достала пистолет из кобуры. Я все еще валялась на палубе в позе лишенного достоинства эмбриона. От моих закованных рук не было никакого проку.

– Морской хлыст привязан к кораблю, капитан! – крикнул Петр.

Еще два члена экипажа Штурмхонда перепрыгнули через перила судна и взмыли в воздух, бешено размахивая руками. Затем звучно шмякнулись о палубу шхуны. Один из них истек кровью из раны на руке.

И тут снова прогремел гром.

– Он наступает! – крикнула Тамара.

На нас обрушились клубы тьмы, полностью обволакивая шхуну и поглощая все на своем пути.

– Освободите меня! – взмолилась я. – Я помогу!

Штурмхонд кинул Тамаре ключи.

– Сделай, как она просит!

Тамара схватила меня за запястья и завозилась с ключами, и в этот момент нас накрыла кромешная тьма.

Мы словно ослепли. Где-то рядом послышался крик. Тогда замок открылся, и кандалы с глухим лязгом упали на пол.

Я воздела руки, и во мраке засиял свет, отталкивающий облако тьмы обратно на китобой. Команда Штурмхонда радостно завопила, но быстро умолкла, когда воздух наполнился новым звуком: скрежещущим визгом, от которого закладывало уши. Он напоминал скрип распахивающейся двери, которую ни за что и никогда не стоило открывать. Рана на моем плече запульсировала. *Ничегои.*

Я повернулась к корсару:

– Нам нужно выбираться отсюда. *Немедленно!*

Он медлил, борясь с самим собой. Двое его людей все еще оставались на борту вражеского судна. Его лицо ожесточилось.

– Марсовые, разворачивайте паруса! – крикнул он. – Шквальные – на восток!

Матросы у мачт подняли руки, и парус над нами надулся от сильного потока ветра. Сколько же гришей было в его команде?

Но шквальные Дарклинга не уступали и посылали собственные потоки ветра, чтобы задержать нас. Шхуна заколебалась в разные стороны.

– Пушки к бою! – взревел Штурмхонд. – По моему сигналу дать бортовой залп!

Прозвучали два пронзительных свистка. Корабль сотрясла оглушительная череда выстрелов. Наши пушки проделали зияющую дыру в корпусе китобойного судна. На корабле Дарклинга раздалась панические вопли. Шквальные Штурмхонда воспользовались ситуацией, и шхуна вырвалась на свободу.

Когда дым от пушечных залпов рассеялся, я увидела, как к перилам покореженного судна подошла фигура в черном. К нам помчалась новая волна тьмы, но эта отличалась от преды-

душих. Она извивалась над водой, словно прорывая себе путь к шхуне. С ней приближался жуткий стрекот тысячи обозленных насекомых.

Мрак вспенивался, как волна, врезавшаяся в огромный камень, а затем начал разделяться и приобретать некий облик. Мал прошептал молитву и вскинул ружье на плечо. Я сосредоточилась и метнула разрез в черное облако, надеясь уничтожить ничего прежде, чем они полностью преобразятся. Но я не могла остановить их. Они шли на нас стонущей ордой из черных зубов и когтей.

Люди Штурмхонда открыли огонь.

Ничего добрались до мачт и закружили вокруг парусов, срывая матросов с такелажа, как фрукты с дерева. Затем они спустились на палубу. Мал стрелял снова и снова, а экипаж обнажил сабли, но пули и клинки всего лишь замедляли монстров. Их созданные из теней тела колебались и вновь формировались. Их число нарастало.

Шхуна опережала китобойное судно и продолжала увеличивать расстояние. Но недостаточно быстро. Я снова услышала визгливый стон: на нас надвигалась новая волна корчащейся, скользкой темноты, в которой уже можно было различить крылатые тела – подкрепление для теневых солдат.

Стоило Штурмхонду это увидеть, как он ткнул на шквального, все еще раздувавшего паруса.

– Молния! – крикнул он.

Я вздрогнула. Он же это не всерьез?! Шквальным строго-настрого запрещалось вызывать молнии. Они слишком непредсказуемы и опасны... не говоря уж о том, что мы находились в открытом море! На деревянных кораблях! Но гриш не мешкал. Шквальные хлопнули в ладоши и начали потирать руки. Давление резко поднялось, и у меня заныли уши. Воздух потрескивал от напряжения.

Нам хватило времени ровно на то, чтобы рухнуть на палубу. Небо осветили зигзагообразные вспышки. Новая волна ничего рассеялась в минутном помешательстве.

– Вперед! – заорал Штурмхонд. – Шквальные, дуйте на полную!

Шхуна рванула вперед, и нас с Малом откинуло к перилам. Казалось, корабль летел над волнами.

Из левого борта китобоя начало выплывать очередное облако мрака. Я вскочила на ноги и приготовилась защищаться, собираясь с силами для следующего нападения.

Но его так и не последовало. Похоже, даже силы Дарклинга были небезграничны. Мы вышли из его зоны досягаемости.

Я склонилась над перилами. Ветер и морские брызги щипали кожу. Корабль Дарклинга и его монстры исчезали из виду. В моей груди зародилось что-то одновременно похожее на смех и всхлип.

Мал обнял меня, и я прижалась к нему, чувствуя прикосновение влажной рубашки на щеке, слушая биение его сердца, цепляясь за невероятный факт, что мы до сих пор живы.

Несмотря на количество пролитой крови и потерю друзей, экипаж шхуны взорвался радостными криками. Они гикали и выли, лаяли и рычали. Толя, сидящий на такелаже, поднял ружье в воздух и откинул назад голову, испуская триумфальный вой такой мощи, что волосы на моих руках встали дыбом.

Мы с Малом разжали объятья, глаза на смеющуюся и ликующую толпу вокруг нас. Я знаю, что мы оба думали об одном и том же: в какую же передрыгу мы попали на сей раз?

ГЛАВА 5

Мы откинулись на перила и сползли вниз. Там и остались, усталые и ошеломленные. Нам удалось сбежать от Дарклинга, но теперь мы оказались на странном корабле, в окружении кучки свихнувшихся гришей, которые нарядились под матросов и выли, как одичавшие собаки.

– Ты в порядке? – спросил Мал.

Я кивнула. Рана на плече горела огнем, но в остальном я осталась невредима. Мое тело вибрировало от удовольствия после использования силы.

– А ты?

– На мне ни царапинки, – удивленно ответил он.

Корабль плыл с невероятной скоростью, управляемый шквальными и, как оказалось, проливными. Когда ужас и пыл от битвы поутихли, я наконец-то заметила, что промокла до нитки. Зубы стучали от холода. Мал обнял меня, а один из членов экипажа накинул на нас одеяло.

В конце концов Штурмхонд объявил передышку и приказал подвязать паруса. Шквальные и проливные опустили руки и оперлись друг на друга в измождении. Их силы были на исходе после столь долгого путешествия, но лица и глаза продолжали светиться.

Шхуна замедлилась до плавного покачивания на волнах. На палубе внезапно воцарилась оглушительная тишина.

– Поставь дозорного, – приказал Штурмхонд, и Петр отправил матроса с подозрной трубой на ванты. Мы с Малом медленно поднялись на ноги.

Штурмхонд подошел к изнуренным эфиреалам, похлопал шквальных и проливных по спинам и пообщался с некоторыми из них. Затем отвел раненых матросов в камбуз, где, как я полагала, их осматривал судовой врач или же целитель корпоралиов. Похоже, в арсенале корсара имелись гриши на любой вкус.

Штурмхонд направился в мою сторону и достал нож из-за пояса. Я вскинула руки, а Мал встал передо мной, нацелив дуло ружья в грудь капитану. В ту же секунду со всех сторон послышались щелчки взводимых курков и лязг обнажаемых клинков. Экипаж ошестинился оружием.

– Полегче, Оретцев, – сказал Штурмхонд, замедляя шаг. – Мне пришлось терпеть массу неудобств и крупно потратиться, чтобы доставить вас на корабль. Представляешь, как будет обидно, если придется вас тут же продырявить? – он перевернул нож и протянул его мне рукояткой вперед. – Это для чудища.

Морской хлыст! Я так увлеклась битвой, что совсем о нем забыла.

Мал помедлил, но затем осмотрительно опустил ружье.

– Отставить, – приказал Штурмхонд своей команде. Те спрятали пистолеты в кобуру, а мечи – в ножны.

Корсар кивнул Тамаре.

– Тащите его.

По команде девушки группа моряков склонилась за перила и отвязала сложную паутину веревок. Поднатужившись, они медленно затащили тело дракона на борт шхуны. Тот шлепнулся о палубу, продолжая слабо биться в серебристой сети. А затем вдруг резко дернулся и щелкнул огромными челюстями. Мы все отпрыгнули назад.

– Как я понимаю, это должна сделать ты, – сказал Штурмхонд, вновь протягивая нож. Я окинула его долгим взглядом, гадая, как много ему известно об этом конкретном усилителе и об усилителях вообще.

– Ну же. Нам пора плыть дальше. Корабль Дарклинга выведен из строя, но это ненадолго.

Лезвие ножа тускло блестело в полуденном солнце. Сталь гришей. Почему-то я не удивлена...

И все же замешкалась.

– Я только что потерял тринадцать превосходных матросов, – тихо начал Штурмхонд. – Не говори мне, что их смерть была напрасной.

Я посмотрела на змея, дергающегося на палубе. Воздух свистел в его жабрах. Красные глаза затуманились, но в них все еще читалась ярость. Я вспомнила уверенный взгляд темных очей оленя, его бесшумную панику в последние секунды жизни.

Олень так долго жил в моем воображении, что, когда он наконец вышел из-за деревьев на укрытую снегом поляну, мне показалось, что мы давно друг друга знаем. Русалье же был незнакомцем, скорее мифическим существом, чем реальным животным. Хотя неоспоримость его израненного тела свидетельствовала об обратном.

– Ему все равно не выжить, – добавил корсар.

Я крепче обхватила рукоятку ножа, ощущая его тяжесть в своей руке. Можно ли считать это милосердием? К оленю Морозова у меня определенно был другой подход.

Русалье... Проклятый принц, хранитель Костяной тропы. В легендах говорилось, что он заманивал одиноких девиц в море, усаживал их на спину и, заливаясь смехом, катал по волнам, пока они не оказывались слишком далеко от берега, чтобы кричать о помощи. Затем он нырял, затаскивая их на глубину, в свой подводный замок. Девушки чахли и умирали, так как питаться там было нечем, кроме кораллов и жемчужин. Русалье лил горькие слезы и пел печальную песнь над их телами, после чего всплывал на поверхность, чтобы выбрать новую королеву.

«Это всего лишь сказки, – убеждала я себя. – Он не принц, а просто животное, страдающее в предсмертных муках».

Бока дракона тяжело вздымались с каждым вдохом. Челюсти беспомощно клацали. Из его спины достали два гарпуна, и из ран потекла водянистая кровь. Я подняла нож, не зная, что делать дальше и куда его вонзать. Руки дрожали. Морской хлыст хрипло и жалобно вздохнул – слабое эхо от бывшего магического хора.

Мал шагнул вперед.

– Ради всех святых, – не выдержал он. – Покончи с ним, Алина!

Парень забрал у меня нож и кинул его на палубу. Затем взял мою ладонь и опустил ее на древко гарпуна. Одним резким движением мы воткнули его в тело дракона.

Тот содрогнулся и замер. Вокруг него начала образовываться лужа крови.

Мал опустил взгляд на свои руки, вытер их об порванную рубашку и отвернулся.

Толя и Тамара выступили вперед. Мой желудок скрутило узлом. Я знала, что будет дальше. *«Это не так, – отозвался голос в моей голове. – Ты можешь уйти. Бросить все, как есть».* И снова меня охватило ощущение, что все происходит слишком быстро. Но я не могла просто выкинуть усилитель вроде этого обратно в море – дракон уже отдал свою жизнь. И то, что я заберу усилитель, еще не значит, что я им воспользуюсь.

Белая чешуя морского хлыста переливалась радугой, если не считать узкой полосы, начинавшейся между большими глазами, пролегающей вдоль черепа и переходящей в мягкую гриву – она была окаймлена золотом.

Тамара достала кинжал из-за пояса и с помощью Толи очистила дракона. Я не позволяла себе отвернуться. Когда они закончили, то вручили мне семь идеальных чешуек, мокрых от крови.

– Давайте склоним головы за братьев, которых мы сегодня потеряли, – начал Штурмхонд. – Они были отличными моряками и великолепными солдатами. Пусть море отнесет их в безопасную гавань и святые заберут их на чистый берег.

Он повторил моряцкую молитву на керчийском, а затем Тамара пробормотала слова на шуханском. С минуту мы молча стояли со склоненными головами на покачивающемся корабле. В горле появился комок.

Люди погибли. А еще одно древнее магическое существо убито, его тело осквернено сталью гришей. Я опустила руку на мерцающий бок морского хлыста. Он был холодным и скользким. Его красные глаза – затуманенными и пустыми. Я сжала в ладони золотые чешуйки, чувствуя, как их края впиваются мне в кожу. Какие святые ждали существ, подобных этому?

Прошла долгая минута, затем Штурмхонд произнес:

– Да пребудут с ними святые.

– Да пребудут с ними святые, – повторил экипаж.

– Время плыть дальше, – тихо произнес капитан. – Мы пробили им корпус, но на Дарклинга работают шквальные и один или два фабрикатора. Вдруг его монстрики обучены пользоваться молотком и гвоздями? Лучше не рисковать, – он повернулся к Петру. – Дай шквальным передохнуть несколько минут и подготовь отчет об ущербе. Затем ставь паруса.

– Да, капитан, – хрипло ответил мужчина, но не сдвинулся с места. – Капитан... люди заплатят большие деньги за чешую дракона, независимо от ее цвета.

Штурмхонд нахмурился, но затем лаконично кивнул.

– Бери, что хочешь, но затем помой палубу и отправляй нас в путь. Координаты у тебя есть.

Несколько членов команды присели у тела морского хлыста и начали срезать чешую. На это я смотреть не могла. Повернувшись к ним спиной, и меня затошнило.

Штурмхонд встал рядом и сказал, оглядываясь через плечо:

– Не суди их слишком строго.

– Я их и не сужу. Это ведь ты капитан.

– Им нужны деньги, чтобы прокормить семьи. Мы потеряли почти половину команды и не получили взамен никакой награды, которая помогла бы ослабить боль. Ничего личного.

– Что я здесь делаю? Почему ты нам помог?

– Ты уверена, что помог?

– Отвечай на вопрос, Штурмхонд, – присоединился к нам Мал. – Зачем охотиться на русалье, если ты все равно планировал отдать его Алине?

– Я охотился не на русалье. А на вас.

– Поэтому ты поднял мятеж против Дарклинга? – спросила я. – Чтобы заполучить меня?

– Нельзя поднять *мятеж* на собственном корабле.

– Называй как хочешь, – начала злиться я. – Пора объясниться, капитан.

Штурмхонд откинулся назад, облокотившись на перила и окидывая палубу изучающим взглядом.

– Как я непременно объяснил бы Дарклингу, если бы он удосужился спросить, – к счастью, он этого не сделал, – проблема бесчестных наемников в том, что их всегда можно перекупить.

Я уставилась на него.

– Ты предал Дарклинга ради *денег*?!

– «Предал» – это сильно сказано. Я едва знаю этого паренька.

– Ты сумасшедший! Тебе известно, на что он способен. Никакая награда не покроет этого!

Штурмхонд ухмыльнулся.

– Поживем – увидим.

– Дарклинг будет преследовать тебя до конца твоих дней.

– Значит, у нас с тобой появилось что-то общее, не так ли? Кроме того, мне нравится заводить могущественных врагов. Это придает мне важности.

Мал сложил руки на груди и оценивающе посмотрел на корсара.

– Я вот думаю, ты безумец или глупец?

– У меня много достоинств. Одно и не выберешь.

Я покачала головой. Корсар определенно слетел с катушек!

– Кто же тебя перекупил? И куда ты нас везешь?

– Сперва ответь на мой вопрос, – Штурмхонд достал из кармана сюртука небольшой красный томик. – Почему Дарклинг постоянно носил его с собой? Он не очень-то похож на религиозного фанатика.

Я взяла книгу и перевернула обложкой вверх, хотя и так знала, что там написано. Золотые литеры блестели на солнце.

– Ты украл ее?

– Как и несколько других документов из его каюты. Опять же, если учесть, что каюта фактически *моя*, это нельзя назвать кражей.

– *Фактически*, – раздраженно начала я, – каюта принадлежит капитану, у которого ты украл судно.

– Справедливо, – признал Штурмхонд. – Если твоя карьера в роли заклинательницы Солнца пойдет крахом, подумай о стезе адвоката. Ты любишь придирается. Правда, должен заметить, что на самом деле книга принадлежит тебе.

Он раскрыл книгу. Внутри было написано мое имя: Алина Старкова.

Я попыталась сохранить каменное лицо, но мой разум закипел от активной работы. Это «История святых» – та самая, которую несколько месяцев назад мне подарил Апрат в библиотеке Малого дворца. Дарклинг наверняка обыскал мою комнату после того, как я сбежала из Ос Альты, но зачем ему книга? И почему он так боялся, что я ее прочла?

Я начала листать страницы. Книжка полнилась невероятными иллюстрациями, хотя, если вспомнить, что она предназначалась детям, рисунки выглядели пугающими. Некоторые святые изображались так, словно они совершали чудеса или творили акты милосердия: Санкт-Феликс среди яблоневых сучьев, Санкта-Анастасия, освобождающая Аркеск от изнурительной чумы. Но на большинстве страниц святые были запечатлены в муках: четвертование Санкты-Елизаветы, обезглавливание Санкты-Любови, Санкт-Илья в цепях. Я окаменела. На сей раз я не смогла скрыть свою реакцию.

– Интересно, не правда ли? – хмыкнул Штурмхонд и постучал длинным пальцем по странице. – Если не ошибаюсь, мы поймали именно это существо.

Это было неоспоримо: за спиной святого Ильи виднелось четкое очертание морского хлыста, плещущегося в волнах озера или моря. Но это еще не все. Мне едва удалось сдержаться, чтобы не потянуть руку к ошейнику.

Я закрыла книгу и пожала плечами.

– Это всего лишь сказки.

Мал недоуменно посмотрел на меня. Надеюсь, он не видел, что было изображено на странице.

Я не хотела возвращать «Историю святых» Штурмхонду, но он и без того испытывал подозрения на мой счет. Мне ничего не оставалось, кроме как протянуть ему книгу обратно, молясь, чтобы он не заметил дрожь моих рук.

Штурмхонд изучающе посмотрел на меня, выпрямился и поправил рукава.

– Оставь себе. В конце концов, она *твоя*. Уверен, вы заметили, что я питаю глубокое уважение к личной собственности. Да и надо же тебе чем-то себя занять, пока мы плывем в Ос Керво.

Мы с Малом вздрогнули.

– Ты везешь нас в Западную Равку? – спросила я.

– Я везу вас на встречу с моим клиентом, и это все, что я могу сказать.

– Кто он? Что ему надо?

– Почему ты сразу решила, что это «он»? Может, мне велела тебя доставить фьерданская королева!

– Неужели?

– Нет. Но не стоит делать поспешных выводов.

Я раздраженно фыркнула.

– Ты можешь хоть раз ответить на вопрос прямо?

– Трудно сказать... Ой, ну вот, опять я за свое!

Я повернулась к Малу и сжала кулаки.

– Я его убью.

– Отвечай на вопрос, Штурмхонд, – прорычал парень.

Тот вздернул бровь.

– Вам нужно знать всего две вещи, – начал он, и на сей раз я услышала стальные нотки в его голосе. – Во-первых, капитан не любит, когда им помыкают на собственном корабле. Во-вторых, я хотел бы предложить вам сделку.

Мал засмеялся.

– И с чего бы нам тебе доверять?

– Не то чтобы у вас был выбор, – любезно уточнил корсар. – Я прекрасно знаю, что вы могли бы потопить этот корабль и обречь нас на гибель в морской пучине, но я все же надеюсь, что вы попытаете счастья с моим клиентом. Выслушайте, что он скажет. Если вам не понравится его предложение, клянусь, я помогу вам сбежать. Отвезу вас куда угодно.

Я не верила собственным ушам.

– Ты уже перешел дорогу Дарклинга, а теперь намереваешься предать и нового клиента?

– Вовсе нет, – казалось, он искренне оскорбился такому предположению. – Мне заплатили, чтобы *доставить* вас в Равку, а не чтобы вы там *остались*. За это идет дополнительная плата.

Мы с Малом переглянулись. Он повел плечом и сказал:

– Он лжец и, вероятно, безумец, но он прав. У нас нет выбора.

Я потеряла виски. Голова трещала. Я устала и была сбита с толку. И манера речи Штурмхонда побуждала меня кого-нибудь застрелить. Желательно – его самого. Но он спас нас от Дарклинга... Как только мы сойдем с корабля, то придумаем, как сбежать. Более дальновидных планов я пока не строила.

– Хорошо.

Корсар улыбнулся.

– Как приятно знать, что ты нас все же не потопишь. – Он подозвал матроса, околачивающегося неподалеку. – Передай Тамаре, что она будет делить каюту с заклинительницей, – затем показал на Мала. – Этот может спать с Толей.

Не успел Мал что-нибудь возразить, как Штурмхонд его опередил:

– Таков порядок на корабле. Вы можете свободно передвигаться по «Волку волн», пока мы не достигнем Равки, но, прошу, не испытывайте мою щедрость. На этом корабле есть правила, и мое терпение не безгранично.

– Не только твое, – процедил Мал сквозь стиснутые зубы.

Я положила руку ему на плечо. Я бы предпочла, чтобы мы держались вместе, но сейчас было не время спорить с корсаром.

– Успокойся. Со мной все будет хорошо.

Мал нахмурился, а затем развернулся на пятках и пошел по палубе, исчезая в упорядоченном хаосе из веревок и парусов. Я шагнула было вслед за ним.

– Возможно, ему хочется побыть одному, – остановил меня Штурмхонд. – Таким, как он, нужно время на размышления и самобичевания. Иначе они становятся капризными.

– Ты хоть иногда бываешь серьезным?

– Стараюсь этого избегать. В противном случае жизнь была бы слишком утомительной.

Я покачала головой.

– Твой клиент...

– Даже не начинай. Разумеется, у меня было много претендентов. Ты пользуешься большим спросом после исчезновения в Каньоне. Естественно, большинство считают тебя мертвой. Это слегка сбивает цену за твою голову. Не принимай близко к сердцу.

Я наблюдала, как члены экипажа пытаются скинуть тело морского хлыста в море. Поднатужившись, они рывком перекинули его через перила шхуны. Тот рухнул в воду с громким всплеском. И вот в мгновение ока Русалья не стало – его поглотила морская пучина.

Прозвучал протяжный свист. Команда и шквальные встали по местам. Секундой позже паруса расцвели, как огромные белые цветки, и шхуна двинулась в путь, плывя на юго-восток Равки. Домой.

– Что ты собираешься делать с чешуей? – спросил Штурмхонд.

– Не знаю.

– Разве? Несмотря на мой ослепительный внешний вид, я не такой симпатичный дурак, каким кажусь. Дарклинг хотел, чтобы ты носила чешуйки на себе.

«Так почему же он его не убил?»

Когда Дарклинг убил оленя и надел на меня ошейник Морозова, мы оказались связаны между собой. Меня передернуло от воспоминаний, как он воспользовался этой связью и орудовал моей силой, пока я беспомощно стояла рядом. Могла ли чешуя дракона наделить его той же властью? И если так, почему же он не заявил на нее свои права?

– У меня уже есть усилитель.

– И довольно могущественный, если слухи – правда.

Самый могущественный в мире. Так сказал Дарклинг, и я ему поверила. Но что, если это не все? Что, если я прикоснулась лишь к малой доле мощи оленя? Я покачала головой. Настоящее безумие!

– Усилители нельзя соединять.

– Я пролистывал книгу, – ответил Штурмхонд. – Там четко сказано, что можно.

«История святых» оттягивала мне карман. Вдруг Дарклинг боялся, что я узнаю тайны Морозова из детской книжки?

– Ты сам не ведаешь, что несешь! Ни один гриш не обладал двумя усилителями сразу. Риск...

– Лучше не использовать это слово при мне. Я, как правило, люблю рисковать.

– Не так, – сухо ответила я.

– Жаль, – пробормотал капитан. – Если Дарклинг нас догонит, я очень сомневаюсь, что шхуна и ее экипаж переживут еще одну битву. Второй усилитель мог бы сравнять наши шансы. Или даже дать нам преимущество. Ненавижу честные бои!

– Или же он мог бы убить меня, потопить корабль, создать второй Тенистый Каньон или еще что похуже.

– Я смотрю, ты любишь вдаваться в крайности.

Мои пальцы скользнули в карман и нащупали влажные края чешуек. У меня практически не было о них информации, а мои знания по теории гришей в лучшем случае можно назвать общими. Но это правило всегда казалось довольно ясным: на одного гриша один усилитель. Я помнила слова из запутанного учебника по философии, который меня заставили прочесть: «Почему гриши могут обладать лишь одним усилителем? Вместо ответа я задам вам вопрос: что в жизни бесконечно? Вселенная да человеческая жадность». Мне нужно было время, чтобы поразмыслить над этим.

– Ты сдержишь слово? – наконец спросила я. – Поможешь нам сбежать?

Сама не знаю, зачем я спрашивала. Если бы он планировал нас предать, то вряд ли признался бы в этом.

Я ожидала, что корсар отшутится, потому его ответ меня удивил:

– Ты так жаждешь вновь покинуть свою страну?

Я словно окаменела. «Тем временем твоя страна будет страдать». Дарклинг обвинил меня в том, что я бросила Равку. Он во многом ошибался, но я не могла избавиться от ощущения, что в этом он прав. Я бросила свою родину на милость Тенистого Каньона, ослабшего короля и жадных тиранов, как Дарклинг и Апат. Теперь же, если верить сплетням, Каньон увеличился, а Равка – распадалась на части. Из-за Дарклинга. Из-за ошейника. Из-за меня.

Я задрала голову к солнцу, наслаждаясь морским бризом, и сказала:

– Я жажду свободы.

– Пока Дарклинг жив, тебе ее не видать, как и твоей стране. И ты это прекрасно знаешь.

Я допускала возможность, что Штурмхонд алчен и глуп, но мне не приходило в голову, что он – патриот. В конце концов, он равкианец, и даже если его подвиги набивали ему карманы, они также помогли Равке больше, чем весь наш хилый флот.

– Я хочу иметь право на выбор.

– Оно у тебя будет. Даю тебе слово лжеца и головореза. – Он начал было уходить, но затем вернулся. – Ты права в одном, заклинительница. Дарклинг – могущественный враг. Тебе не мешало бы подумать, как завести могущественных друзей.

* * *

Больше всего мне хотелось достать из кармана книгу и провести час за изучением иллюстрации святого Ильи, но Тамара уже поджидала меня, чтобы провести в свои покои.

Шхуна Штурмхонда ничем не походила на крепкое торговое судно, которое доставило нас в Новый Зем, или на неуклюжий китобой, который мы оставили позади. Она была изящной, внушительно вооруженной и искусно построенной. Тамара поведала мне, что они захватили ее у земенского пирата, грабившего равкианские корабли у портов южного побережья. Штурмхонду настолько приглянулась по душе эта шхуна, что он повесил свой флаг и назвал ее «Волком волн».

Волки. Штормовой пес. Красная собака на флаге корабля. По крайней мере, мне стало ясно, почему экипаж постоянно выл и тявкал.

Каждый дюйм шхуны имел свое предназначение. Члены команды спали на батарейной палубе. В случае чего гамаки быстро складывались, а их место занимали пушки. Я оказалась права в том, что при наличии корпоралов на борту они не нуждались в отказнике-докторе. Каюта судового врача и кладовая были отданы во владения Тамары. В крошечном помещении едва хватало места на два гамака и сундук. На стенах выстроились полочки с неиспользованными мазями, бальзамами, мышьяком и настойками свинцовой сурьмы.

Я аккуратно уселась в гамак, упираясь ногами в пол. «История святых» прожигала карман пальто, пока я наблюдала, как Тамара открывает крышку сундука и начинает складывать туда оружие: пистолеты с груди, два небольших топора с пояса, кинжал с сапога и рапиру с ноги. Прямо ходячий оружейный магазин!

– Сочувствую твоему другу, – сказала она, доставая из кармана нечто похожее на носок, полный шариков дробы. Тот громко стукнулся о дно сундука.

– Почему же? – поинтересовалась я, рисуя круг на досках носком сапога.

– Мой братец храпит, как пьяный медведь.

Я рассмеялась.

– Мал тоже храпит.

– Тогда они могли бы храпеть дуэтом, – она исчезла, а через секунду вернулась с ведром. – Проливные наполнили дождевые бочки. Можешь помыться, если хочешь.

Чистая вода была роскошью на корабле, но, полагая, ее необязательно нормировать, когда у тебя в команде гриши.

Девушка окунула голову в ведро и взъерошила свои короткие черные волосы.

– Твой следопыт очень даже неплох.

Я закатила глаза.

– Да что ты говоришь!

– Симпатичный, но не в моем вкусе.

Мои брови взметнулись вверх. По моим наблюдениям, Мал приходился по вкусу абсолютно всем. Но я не собиралась задавать Тамаре личные вопросы. Если Штурмхонду нельзя доверять, то и его экипажу тоже. И мне не хотелось сближаться с кем-либо из них. Я усвоила урок с Женей – одной разрушенной дружбы было вполне достаточно.

– В команде Штурмхонда есть керчийцы. Разве они не суеверны по отношению к девушкам на корабле?

– У Штурмхонда свой взгляд на вещи.

– И они... не пристают к тебе?

Тамара ухмыльнулась, сверкнув белоснежными зубками на фоне бронзовой кожи. Затем постучала по блестящему акульему зубу на шее, и я признала в нем усилитель.

– Не-а.

– О...

Не успела я и глазом моргнуть, как она достала еще один нож из рукава.

– Это тоже могло поспособствовать.

– Как ты их выбираешь? – выдохнула я.

– По настроению, – девушка перевернула нож и протянула его мне. – Штурмхонд приказал тебя не трогать, но если вдруг кто-то напьется и забудет о приказе... ты сможешь о себе позаботиться?

Я кивнула. У меня не было тридцати ножей, прикрепленных к разным частям тела, но и беззащитной меня не назвать.

Тамара снова окунула голову в воду.

– Наверху играют в кости, да и выпить я бы не отказалась. Можешь пойти со мной.

Мне было плевать на азартные игры и ром, но и в каюте сидеть не хотелось. Мое тело вибрировало от использования силы против ничего. Впервые за много недель я чувствовала прилив энергии и голод. Но все равно покачала головой.

– Спасибо, но нет.

– Ладно, располагайся. А мне пора собирать долги. Петр ставил на то, что мы не вернемся на шхуну. Клянусь, когда мы перелезли через перила, на его лице была запечатлена вселенская грусть.

– Он поставил на то, что вас убьют? – ошарашенно спросила я.

Девушка только расхохоталась.

– Я его не виню. Мы выступили против самого Дарклинга и его гришей! Все знали, что это миссия для самоубийц. Команда тянула соломинки, чтобы выбрать, кому выпала честь помирать.

– И вы с братом оказались в числе тех, кому не повезло?

– Мы? – Тамара замерла в дверном проеме. Волосы влажные, а лицо озарено ухмылкой. – Мы ничего не тянули, – сказала она, выходя в коридор. – Мы добровольцы.

* * *

Возможность поговорить с Малом наедине появилась только ближе к ночи. Нас пригласили отужинать в каюте Штурмхонда, и трапеза выдалась довольно странной. Еду подавал стюард – слуга с безупречными манерами, который был на несколько лет старше, чем все присутствующие на корабле. Продукты оказались куда лучше, чем все, что мы ели в Новом Земе:

свежий хлеб, жареный морской окунь и маринованные редиски. Запивалось все это сладким ледяным вином, после пары глотков которого у меня закружилась голова.

У меня сильно разыгрался аппетит, как случалось всегда после использования силы, но Мал почти не ел и помалкивал, пока Штурмхонд не упомянул о партии оружия, которую вез в Равку. Это подняло парню настроение, и остаток ужина они болтали о пистолетах, гранатах и различных интересных способах что-нибудь подорвать. Мне даже лень было делать вид, что я их слушаю. Пока они обсуждали винтовки, которые использовались на земенской границе, я думала лишь о чешуйках и что с ними делать.

Осмелюсь ли я надеть второй усилитель? Я забрала жизнь морского хлыста, его сила принадлежала мне. Но если чешуйки работали как ошейник Морозова, то я также могла отдать эту силу. Например, одному из сердебитов Штурмхонда. Может, даже Толе. Попытаться контролировать его, как когда-то контролировал меня Дарклинг. Я могла бы заставить корсара вернуть нас в Новый Зем. Но, признаться, это не то, чего мне хотелось.

Я сделала еще один глоток вина. Нужно поговорить с Малом.

Чтобы как-то отвлечься, начала изучать каюту Штурмхонда. Все было сделано из полированного дерева и латуни. Его рабочий стол был завален графиками, деталями сломанного секстанта и странными рисунками, изображавшими что-то вроде крыла механической птицы на шарнирах. На столе мерцали керчийский фарфор и хрусталь. Этикетки на винных бутылках содержали надписи на незнакомом мне языке. *«Все это краденое»*, – осенило меня. Штурмхонд хорошо о себе заботился.

Воспользовавшись шансом, я впервые присмотрелась к капитану. Он был лет на пять старше меня, и по какой-то необъяснимой причине его лицо выглядело странно. Острый подбородок. Глаза – болотно-зеленого цвета. Волосы – необычного рыжего оттенка. Нос выглядел так, будто его ломали, и не раз. В какой-то момент корсар поймал меня за изучением себя. Могу поклясться, он отвернулся от света!

Когда мы наконец покинули капитанскую каюту, было уже за полночь. Я загнала Мала на верхнюю палубу, в уединенное местечко на носу корабля. Ясное дело, что на фор-марсе над нами сидели дозорные, но другой возможности пообщаться тет-а-тет могло и не выпасть.

– Мне он нравится, – заявил Мал, слегка покачиваясь от количества выпитого. – Да, он слишком много болтает и готов украсть даже пуговицы с твоей обуви, но он неплохой паренек и много знает о...

– Ты не мог бы заткнуться? – зашипела я. – Я хочу тебе кое-что показать.

Мал посмотрел на меня мутными глазами.

– А вот грубить необязательно!

Я проигнорировала его и достала красный томик из кармана.

– Смотри, – открыла страницу и посветила ладонью на ликующее лицо святого Ильи.

Мал оцепенел.

– Олень... и русалье, – я наблюдала, как он изучает иллюстрацию, и заметила тот момент, когда до него наконец дошло. – Святые, – выдохнул парень. – Есть и третий!

ГЛАВА 6

На берегу темного моря стоял святой Илья. Он был одет в потрепанные лохмотья, некогда бывшие фиолетовой мантией. Его руки разведены в стороны ладонями вверх. На лице застыло блаженное, безмятежное выражение, с которым рисовали всех святых – обычно перед тем, как их постигала мучительная смерть. На шее виднелся железный ошейник, который когда-то крепился тяжелыми цепями к кандалам на запястьях. Ныне сломанные цепи свисали по бокам.

За спиной святого Ильи плескался в волнах извивающийся белый змей.

У его ног лежал белый олень, глядя на нас темными, мудрыми очами.

Но не эти создания приковывали наше внимание. За левым плечом святого возвышались горы, и там вдалеке, едва различимая на расстоянии, кружила птица над высокой каменной аркой.

Мал обвел пальцем ее длинные хвостовые перья, окрашенные в белый и бледно-золотой цвет, как сияние нимба святого Ильи.

– Не может быть!

– Олень был настоящим. Как и морской хлыст.

– Но это... другое.

Его правда. Жар-птица – герой тысячи сказок. Она – сердце каждого равкианского мифа, вдохновение для бесчисленного количества пьес и баллад, романов и опер. Поговаривали, что границы Равки были очерчены по мановению ее крыла. Реки Равки наполнялись ее слезами. Столица якобы была основана на том месте, куда упало ее перо. Его подобрал один юный воин и отправился на битву. Ни одна армия не могла его одолеть. Так он стал первым королем Равки. По крайней мере, так говорилось в легенде.

Жар-птица и есть Равка. Ее невозможно поразить охотничьей стрелой, ее кости не предназначены для великой славы какой-то выскочки-сиротки.

– Санкт-Илья, – прошептал Мал.

– Илья Морозов.

– Святой гриш?

Я коснулась страницы кончиком пальца, провела по ошейнику, по кандалам на запястьях Морозова.

– Три усилителя. Три мифических создания. Два из них уже у нас.

Мал замотал головой, пытаясь протрезветь от вина. Неожиданно он взял и захлопнул книгу. На секунду я испугалась, что он выкинет ее в море, но парень просто вернул ее мне.

– И что нам с этим делать? – раздраженно поинтересовался он.

Я размышляла об этом весь день и вечер, в течение всего нескончаемого ужина. Мои пальцы без конца ощупывали чешуйки морского хлыста, будто стремились ощутить их прикосновение вновь и вновь.

– Мал, в команде Штурмхонда есть фабрикатор. Он считает, что я должна использовать чешую... и я думаю, что, возможно, он прав.

– Что?! – Парень резко поднял голову.

Я нервно сглотнула и поспешила объяснить:

– Силы оленя недостаточно, чтобы победить Дарклинга или уничтожить Каньон.

– И, по-твоему, второй усилитель – выход из ситуации?

– Пока что – да.

– *Пока?* – Мал взъерошил рукой волосы. – Ради всего святого, ты хочешь все три усилителя! Ты хочешь поймать жар-птицу!

Я внезапно почувствовала себя глупой и алчной девчонкой.

– Иллюстрация...

– Это всего лишь картинка, Алина, – яростно зашептал Мал. – Рисунок какого-то мертвого монаха!

– Но что, если это не так? Дарклинг говорил, что усилители Морозова необычные, они должны использоваться вместе.

– Теперь ты прислушиваешься к советам убийцы?

– Нет, но...

– Может, вы еще что-то задумали, пока отсиживались в трюме?

– Мы с ним не отсиживались! – огрызнулась я. – Он просто пытался действовать тебе на нервы.

– Что ж, у него получилось, – Мал схватился за перила, и костяшки его пальцев побелели. – Однажды я проткну стрелой глотку этого ублюдка.

В моей голове эхом прозвучал голос Дарклинга: «Таких, как мы, больше нет». Я отмахнулась от этой мысли и накрыла своей рукой ладонь Мала.

– Ты нашел оленя и морского хлыста. Возможно, тебе предназначено найти и жар-птицу.

Он горько рассмеялся, но я поняла, что его злость утихает.

– Я хороший следопыт, Алина, но не настолько. Нам нужно с чего-то начать. Жар-птица может быть где угодно.

– Тебе это по силам. Я уверена.

В конце концов он вздохнул и накрыл мою руку своей.

– Я ничего не помню о святом Илье.

Неудивительно. Святых было сотни, в каждой крошечной деревушке, в любом захолустье Равки – свой. Кроме того, в Керамзине религия считалась развлечением для крестьян. Церковь мы посещали максимум два раза в год. Мои мысли постоянно возвращались к Апрату. Это он подарил мне «Историю святых», но я понятия не имела, какие у него были мотивы и знал ли он вообще о секретах, таящихся в этой книжке.

– Я тоже. Но эта арка должна что-то значить.

– Ты узнаешь ее?

Когда я впервые увидела иллюстрацию, арка показалась мне знакомой. Но за время работы картографом я просмотрела невероятное количество карт. Моя память была затуманена видами долин и взгорьев как в Равке, так и за ее пределами. Я покачала головой.

– Нет.

– Разумеется. Это было бы слишком просто. – Мал тяжело вздохнул и притянул меня к себе, разглядывая мое лицо в лунном свете. Затем коснулся ошейника на моей шее. – Алина, откуда нам знать, как на тебя повлияют эти усилители?

– Ниоткуда, – признала я.

– Но ты все равно стремишься их заполучить. Олень, морской хлыст, жар-птица.

Я подумала о волне ликования, прошедшей по моему телу при использовании способностей в битве с ордой Дарклинга, о том, как я оживилась при применении разреза. Каково мне будет, когда эта сила удвоится? Утроится? От одной мысли голова пошла кругом.

Я подняла взгляд на бархатисто-черное небо, усыпанное драгоценными камнями звезд. Неожиданно на меня нахлынул голод. «*Я хочу их*, – подумалось мне. Столько света, столько силы! – *Я хочу их все*».

По телу прошла беспокойная дрожь. Я провела пальцем по корешку «Истории святых». Возможно ли, что мной движет алчность и я вижу то, что хочу видеть? Может, та же алчность управляла Дарклингом все эти годы, обернула его в Черного Еретика и разорвала Равку надвое. Но я также не могла игнорировать простую истину: без усилителей я ему не соперница. У нас с Малом нет другого выбора.

– Они нам нужны, все три. Если мы хотим когда-нибудь перестать убегать и наконец-то стать свободными.

Мал провел ладонью по линии моей шеи, по изгибу щеки, при этом ни на секунду не отводя взгляд. Возможно, он искал ответ в моих глазах. Тем не менее, все, что он ответил, было:

– Хорошо.

Затем он нежно поцеловал меня и, хоть я пыталась это игнорировать, в касании его губ было что-то скорбное.

* * *

Не знаю, было ли дело в том, что я не могла усидеть на месте от нетерпения, или же просто боялась передумать, но мы проигнорировали тот факт, что час уже поздний, и направились напрямик в каюту Штурмхонда. Корсар встретил наше предложение с присущей ему бодростью, после чего мы с Малом пошли ждать его у бизань-мачты. Через пару минут капитан подошел к нам с одной из своих субстанциалок. Выглядела она не особо впечатляюще – волосы заплетены в косички и зеваает, как заспанный ребенок, – но Штурмхонд назвал ее своей лучшей фабрикаторшей, и я поверила ему на слово.

Следом приплелись Толя и Тамара с фонарями, чтобы подсобить фабрикаторше в ее работе. Если мы переживем надвигающиеся невзгоды, все на борту «Волка волн» узнают о втором усилителе. Мне это было не по душе, но уже ничего не поделать.

– Всем добрый вечер, – поприветствовал нас Штурмхонд, хлопая в ладоши и словно не замечая нашего мрачного настроения. – Отличную мы выбрали ночку, чтобы проделать дыру во вселенной, вам так не кажется?

Я насупила и извлекла чешуйки из кармана. Я промыла их в ведре с морской водой, и они сверкали золотом в свете фонариков.

– Ты знаешь, что делать? – спросила я у фабрикаторши.

Та попросила меня повернуться, чтобы осмотреть заднюю часть ошейника. Мне доводилось видеть его только в зеркале, но я знала, что сделан он практически идеально. Мне ни разу не удалось нащупать швы в тех местах, где Давид соединял между собой кусочки рогов.

Я передала чешуйки Малу, а тот протянул одну из них фабрикаторше.

– Вы уверены, что это удачная затея? – спросила она. Девушка так агрессивно жевала губу, что я испугалась, как бы она ее не прокусила.

– Конечно, нет, – отозвался Штурмхонд. – Все великие дела начинаются с плохих затей.

Фабрикаторша взяла чешуйку у Мала и приложила ее к моему запястью. Затем протянула руку за следующей и приступила к работе.

Первым делом я ощутила жар, исходящий от чешуек, когда их контуры начали расплываться и деформироваться. Одна за другой они сплавлялись воедино, постепенно смыкаясь вокруг моего запястья. Фабрикаторша работала в тишине, ее руки почти не двигались. Толя и Тамара уверенно держали фонарики и стояли с такими непроницаемо-торжественными лицами, что и сами неплохо бы смотрелись на иконах. Даже Штурмхонд притих.

Наконец два конца браслета почти соприкоснулись. У нас оставалась последняя чешуйка. Мал держал ее в ладони и рассматривал.

– Мал?

Он не поднял взгляд, но дотронулся пальцем до кожи на моем запястье – там, где бился пульс и где сомкнется окова. Затем передал последнюю чешуйку фабрикаторше.

Через минуту все было готово.

Штурмхонд взглянул на переливающийся браслет из чешуек.

– Гм, я представлял себе конец света более эпичным.

– Отойдите, – приказала я.

Вся команда попятилась к перилам.

– Ты тоже, – обратилась я к Малу. Тот неохотно повиновался. Из-за руля за нами подглядывал Петр. Наверху скрипнули веревки, когда дозорные вытянули шеи, чтобы получше рассмотреть происходящее.

Я сделала глубокий вдох. Нужно быть осторожной. Никакого жара – только свет. Вытерла вспотевшие ладошки о пальто и развела руки в стороны. Почти опережая мой зов, свет кинулся ко мне.

Он исходил со всех сторон, от миллиона звезд и от солнца, спрятавшегося за горизонтом. Свет мчался с неумолимой скоростью и яростными намерениями.

– Всемогушие святые, – успела я прошептать.

После этого свет вспылал во мне, и ночи пришел конец. Небо вспыхнуло ослепительным золотом. Поверхность воды переливалась, как огромный бриллиант, отражая пронзительно-белые вспышки света. Несмотря на мои старания, воздух замерцал от жара.

Я закрыла глаза от яркого света, пытаюсь сосредоточиться и возыметь контроль над собой. В голове зазвучал строгий голос Багры, требующий, чтобы я доверилась своей силе: «Это не животное, убегающее при твоём приближении или выбирающее, стоит ли откликаться на твой зов». Но я еще никогда не испытывала подобных ощущений. Моя сила *была* животным, созданием из вечного пламени, вздымающимся от могущества оленя и ярости морского хлыста. Она текла по моим венам, лишая дыхания, ломая меня изнутри, стирая границы, пока я сама не стала светом.

«*Слишком много*, – подумала я с отчаянием. И в то же время: – *Мне нужно больше*».

Откуда-то издали донеслись крики. Жар вздымался вокруг меня, трепля полы пальто и опаливая волоски на руках. Мне было плевать.

– Алина!

Корабль закачался, а море начало потрескивать и шипеть.

– Алина!

Внезапно Мал обхватил меня руками и оттащил назад. Он держал меня так крепко, что тело заныло. Глаза парня были крепко зажмурены, чтобы сберечь их от сияния вокруг нас. Я почувствовала запах морской воды, пота и отголоски знакомых ароматов – Керамзина, полевой травы и зеленой лесной чащи.

Мои руки, ноги, туловище наконец начали приходить в чувство, пока Мал сжимал меня все крепче, по кусочкам соединяя мое тело воедино. Затем я ощутила свои губы, зубы, язык, сердце и две новые частички себя: ошейник и окову. Кости и дыхание, мышцы и плоть. Они – мои.

«Чувствует ли птица вес своих крыльев?»

Я вздохнула, постепенно приходя в себя. Мне не нужно брать в узды свою силу. Она цеплялась за меня, словно радуясь возвращению домой. Я выпустила свет на свободу одним мощным взрывом. Светлое небо раскололось надвое, впуская ночь обратно. Вокруг нас каскадами падали искры, как блестящие лепестки, сдуваемые ветром с тысяч цветов.

Жар уменьшился, а море успокоилось. Я потянула за последние лучи света и сплела их в слабо сияющий шар, пульсирующий над палубой корабля.

Штурмхонд и остальные скрючились у перил с открытыми ртами: то ли от восторга, то ли от страха. Мал прижимал меня к груди, уткнувшись лицом в волосы, и часто дышал.

– Мал, – тихо позвала я. Он сжал меня еще крепче, да так, что я взвизгнула. – Мал, мне нечем дышать!

Парень медленно открыл глаза и посмотрел на меня. Я опустила руки, и свет полностью исчез. Только тогда он ослабил хватку.

Толя зажег лампу, а остальные поднялись на ноги. Штурмхонд стряхнул пыль со складок своего безвкусного бирюзового сюртука. Фабрикаторша выглядела так, будто ее тошнит, а лица

близнецов было невозможно прочесть. Их золотые глаза светились чем-то, чему я не могла подобрать название.

– Что ж, заклинательница, – начал Штурмхонд с легким трепетом в голосе, – ты определенно умеешь устраивать представление.

Мал схватил мое лицо в ладони и поцеловал бровь, нос, губы, волосы, после чего вновь крепко прижал к себе.

– Ты в порядке? – хрипло спросил он.

– Да.

Но это была не совсем правда. Я чувствовала вес ошейника на шее и тяжесть оковы на запястье. Вторая рука казалась голой по сравнению с ней. Я была неполноценной.

* * *

Штурмхонд разбудил свою команду, и мы легли на курс, едва забрезжил рассвет. Мы не знали, как далеко распространился мой свет ночью, но вероятность того, что я выдала наше местоположение, была велика. Нам срочно нужно было двигаться дальше.

Каждый член экипажа хотел поглазеть на второй усилитель. Некоторые относились ко мне с настороженностью, другие с любопытством, но больше всего меня беспокоил Мал. Он постоянно наблюдал за мной, словно боялся, что в любой момент я могу потерять контроль. Когда стемнело и мы спустились в трюм, я загнала его в один из узких проходов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.